

СМЕНА

A black and white photograph of a woman with dark, curly hair, smiling and looking back over her shoulder while rowing a boat. She is wearing a light-colored sleeveless top. The boat is on a body of water with small ripples. The overall tone is nostalgic and serene.

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

Переписка с читателями «СМЕНЫ»

Как мне воспитывать сына?

Тов. профессор!

Извините, что я не знаю Вашего имени, отчества и адреса, но обращаюсь к Вам так.

Вы напечатали в журнале «Смена» № 12 за 1935 год статью «Как же воспитывать ребят?»

Ваша статья возбудила во мне желание написать Вам и получить ответ на один волнующий меня вопрос.

У меня двое детей. Старшему 2 года 4 месяца, младшему — 1 год 2 месяца. Живем мы на границе Монгольской народной республики с СССР, Мунга — начальная застава. Я — небольшой его помощник: помогаю мужу в массовой и общеобразовательной работе. У нас есть домашняя работа.

Условия наши таковы: застава в Алтайских горах. Общество — бойцы и несколько рабочих.

Есть у нас радио и патефон, принадлежащий заставе.

Письмо проф. Е. Аркина

Старший сын, Владислав, слушая радио с 13-го дня рождения, радиоуправники писали на стене плаги его гулавой. Если мне нужно было идти по хозяйственным или другим делам, я отсылала плачущего Владу звуками радио. Когда ему исполнился год, он познакомился с патефоном. Большого труда стоило отвлечь его от патефона, оставить есть или идти гулять. В возрасте 1 года 2-3 месяцев он уже утачивала мотивы.

С 2 лет он начал все крупные предметы называть пластинками. Он уже твердо помнил все пластинки (наши и заставские) по звукам и λέжаским названиям. Многие наши знакомые пробоваши обмануть его и разуворить (40—50%), и все-таки он очень редко ошибался.

Я уже писал, что все крупное у него пластинками, посуде — тарелка, тарелка, тарелка, тарелка —

зырь, доскут бумаги, округленным дым, резиновый, деревянный, железный кружочек — все это пластинки и кандалы имеют название. И как бы его ни разуворили, давая другое название вещам, он истинно повторяет свое.

Есть ли в это время особенность ребенка этого возраста? Как к этому относиться? Что предпринимать?

Весь день до того начинает недоуметь, что женщина думает: ребенок развит односторонне, он дефицитный, помешанный, глупый и т. д.

Но вдруг обманет с мыслью какой-нибудь его вопрос: «Мама, а кто делал эти горы? Из чего они?»

Что делать с ним, как отвлечь от патефона?

Если Владислав терпеливо хвально протереть мое писмо, дайте ответ.

С уважением от деловой Олгоиты
В. НЕХАЕВА

Больше внимания ребенку

Ответ проф. Аркина

Уважаемая тов. Нехая!

Я получаю Ваше писмо. Очень рад, что слова мои нашли отклик в такой далекой стороне. Я не знаю, почему Вы так беспокоитесь. Особенности Вашего мальчика — это быстрый, ускоренный темп развития. Нет сомнения, что он музыкально одаренный (прекрасный слух и удивительная музыкальная память).

Что касается его привязанности к патефону, то она действительно носит характер некоторой навязчивости. Но такая навязчивость объясняется, во-первых, его возрастом, которому свойственно бесконечное, повторительное для нас, взрослых, повторение одного

и того же, а во-вторых, отсутствием у ребенка других объектов. Что следует делать? Во всяком случае, не угрожать, не запрещать и не бить.

Я согласен с Вами, что не мешает отвлечь его, хотя бы для того, чтобы сделать его жизнь более богатой. Отвлечь можно только одним способом: противопоставив патефону нечто не менее и даже более привлекательное. Хорошо было бы достать какой-нибудь детский музыкальный инструмент (скрипка или др.), на котором Ваш ребенок мог бы позвонить, имитируя мелодии. Еще советую приобрести хороший столярный материал. Можно попробовать мозаику. Конечно, лучше всего было бы найти для ребенка

товарищей, но их в Вашем окружении, по-видимому, нет. Ребенок Ваш требует внимания, но ни о какой дефицитности не может быть и речи.

От времени до времени пишете мне о нем. Его способ называть вещи очень интересный: его слово не в его возрасте и показывает длинный ряд, какое огромное место в его жизни занимает патефон пластинки. Будьте спокойны: придет пора и она уступит место другому счастливому сопернику.

С дружеским приветом
проф. Е. АРКИН

Адрес мой: Москва, Рождественская, а 23, кв. 2. Е. А. Аркин.

ЗА НЕМ БУДЕТ ПЕРВЕНСТВО ПО ФУТБОЛУ?

Письмо капитану сборной футбольной команды СССР А. П. Старостину

Здравствуйте, Александр Петрович!

Мы ученики 8 и 9-го классов образовательной школы города Бара, Винницкой области. Мы много внимания уделяем любимому нами виду спорта — футболу, которому Вы отдали так много своих сил. Нам интересно множество вопросов, ответ на которые в нашем городе мы не можем получить.

1. Какому команду выигрывает в этом году сборная Англичан? Останется ли за ней на долгие годы мировое первенство по футболу? Мы думаем, что в ближайшие годы первенство по этому виду спорта должно перейти к сборной Москвы.

2. Каким у Вас и в ВОРК планы встреч с иностранными буржуазными командами? Есть ли планы встречи со «Спартой»?

3. При этом, ученики 8 и 9-го классов образовательной школы, читатели «Смены», Исаак Левин и Мунга Штрик.

Привет Вашим братьям.

МЫ БУДЕМ ОСПАРИВАТЬ МИРОВОЕ ПЕРВЕНСТВО

Ответ А. П. Старостина

Здравствуйте, Исаак и Мунга! Ваше письмо получило в Сукре, где находится в настоящее время.

Я очень рад, что Вы так интересуетесь футболом и с удовольствием отвечаю на Ваши вопросы: 1. Будет ли это играть с Англичан в этом году — сказать очень трудно, но, во всяком случае, Англия в настоящий момент является сильнейшей страной по футболу. Для того чтобы это заявление перешло к СССР, нашим футболистам надо очень много работать над собой.

2. В предстоящем сезоне ожидается целый ряд встреч советских футболистов с иностранными командами. Как, вероятно, придет: сборная Тулузы, сильнейшие команды Чехословакии, «Славия» и «Спарта», и, возможно, одна из лучших профессиональных команд Англии.

Передайте мой привет всем ученикам Вашей школы с пожеланием хороших успехов в учебе.
АЛЕКСАНДР СТАРОСТИН
Сукре.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

РАССКАЗЫ И СТИХИ

Валентин Катаев — Рыбачья гордость	5
А. Черноморцев — Весенний дождь (стихи)	7
М. Велюгов — Ночь на скате	11
В. Зиссер — В суровой Якутии	13

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, ФЕЛЬТОНЫ

А. Владимиров — Захватывающие перспективы	8
---	---

П. Корзинкин — Рылов первого прыжка	10
Ю. Шер — «Линия Мажинго»	16
Заслуженный мастер спорта П. Ипполитов — Рынок одной	18
А. Коробов — Питерка отважных	19
М. Морской — Японский язык	21
К. Федотова — Как я изучаю японский язык	22

В. Кожеников — Сухарь (фельетон)	23
Н. Колан — Боевой заповедник	24
А. Спирядов — Куда пойдет турист	28
Переписка читателей «Смены»	2
Новые работы молодых живописцев	4
Справочник фотокора	26
Заметки об интересных книгах	26
Календарь «Смены»	27
Шахматы	30

Рисунки и карикатуры: В. Брискина, И. Гринштейна, Д. Корсакинского. Фото: И. Гудин, Н. Колан, Р. Лемберг, В. Зиссер, С. Красникова и др. На обложке: «На байдарке» — фотозд. Горькова; «Цветающая яблоня» — фото Леонова.

Орган
ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Смена

Москва, улица „Правды“, 24. тел. Д 3-34-24

№ 5
МАЙ 1936 г.
Год издания тринадцатый

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

В ГОРЫ

Фотоизд Н. Гузина.

НОВЫЕ РАБОТЫ МОЛОДЫХ ЖИВОПИСЦЕВ

В дни X с'езда комсомола в Москве была открыта выставка молодых живописцев. На фото: одна из картин выставки—„Бег“. Работа В. Н. Щербаковой.

Рыбачная гордость

Рассказ ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА

Часов около девяти Гаврик шагал в город на привоз. Он нес на плече садок с бычками. Можно было, конечно, переждать рыбу и в кружину, но садок имел более солидный вид. Он показывал, что рыба совершенно свежая, живая, только что из моря. Делушка остался дома почитать перемет.

Хотя Гаврику едва минуло девять лет, но делушка давно доверил ему такое важное дело, как продажа рыбы. Он вполне надевался на него. Сам понимает. Не маленький. А на него же ему еще надеяться, если не на Гаврика?

С полным сознанием важности и ответственности полученного задания Гаврик деловито и даже несколько сурово перешагнул по гонимой тропинке, среди пыльного бурыня, оставляя в пыли отчетливые следы маленьких ножек со всеми пятнышками. Вскос его соросотомышки, сохмидый вид как бы говорил: «Вы себе там как хотите: купаться в море, айдаться на песке, сидеть на велосипедах, лейте залотерскую воду» — а мое дело рыбачье — ловить бычков на перемет и продавать на привозе, остальных меня не касается».

Проходя мимо купальни, где над окошечком кассы висела замурованная черная доска с написанной, ислом температурой воды — 18 градусов — Гаврик даже предвительно усмехнулся: до того противно было смотреть на белотелого толстяка, который с взглядом окунался в глянцевитую прибрежную воду, уцепившись руками за спускающийся вант, маленький от тины. Подняться на обрм можно было двумя способами: по длинному пологому спуску в два марша или по крутой, почти отвесной деревянной лестнице с тинами ступенями. Нечего и говорить, что Гаврик выбрал лестницу. Поджав губы и не перекачивая садок с плеча на плечо, мальчик быстро заработал ногами. До самого марша он добегал, ни разу не останавливаясь, чтобы передохнуть.

Пылким, но тинистый переулок вывел его мимо «введения тинистых ванн» к конферескому учинению. Тут уж был совсем почти город. По «Французскому бульвару», в тени платанов, тянулась в «Ариадну» открытая копка. Она была занавешена от солнца парусиной, на заднем плане торжало множество бамбуковых удочек с поплавками, выкопанные красными и синими. Три бодрых калача цедлали подкованы по мелкому цедло. Визжал и лаял на повороте торжок.

Будка красинка особенно привлекала внимание мальчишка. Это был рудник под двухэтажной крышей на двух столбиках. Все наружные его стороны были замурованы густой желтой масляной краской, а все внутреннее — такой же густой, блестящей белой. Сам красник являл собою вид такой непревзойденной, прелецной красоты, что Гаврик ждалый ра, как его увидя, не мог не остановиться на угау в порыве восхищения и зависти.

Гаврик никогда не задумывался над вопросом, кем ему быть, когда он вырастет и станет взрослым. Особенно нечего выбирать. Но если уж выбирать, то, разумеется, Гаврик хочет быть выскимком. Все одесские красники были нарядные и красивые как на картинке. А этот — а особенный. Ни дать, ни взять «Ванька-Ключник». И точно. Высокий купеческий картуз тонкого сиятого сува, русые кудри, сапоги бутылками. А рубашка! Господи, да такую рубашку только и надевать на первый день наса: бастищад, кумачевая, ругава — пузырями, длинная до колен, со множеством синеватых стеганых пуговиц! А поверх рубашки — черная суконный жакет с серебриной часовая цепочкой, вдетой в петлю серебриной палочки. Один вид его рубашки вызывает в человеке желание напиться желотного квасу. А как он работает! Ловко, спорно, чисто.

Вот подходит покупатель:

— Дай-ка, милая, ставянич.

— Какого привакает? Кислого, сладкого?

Сладкий — конейка кружка, кислый — на копейку две.

— Давай кислого.

— Навальте-с!

Один вид его рубашки вызывает в человеке желание напиться желотного квасу.

И тут же, мигом, одна рука проворно отделяет на колесе кружину крышку рудника и летит в глубокий сумрак да бутылкой, а в то время как другая — вытирает тряпкой и без того сухой привалок, помещает в ядере громадную лутку кружку с чересур толстым дном, цедломясь превращает эту кружку и со стукотом ставит перед покупателем. Маленький инитор возникает в пробку. Бутылка страшно бумкает до полу. Молодец вертикально переворачивает бутылку в кружку, наполняя ее на четверть желотливым квасом и на три четверти — пенной. Покупатель жадно сосывает пену и пьет, а «Ванька-Ключник» уже опять вытирает стойку и смазывает мокрую копейку в жестиную корбочку из-под монашеской фабрики «Братья Крыжальников».

Вот кто человек! Вот кто человек!

Конечно, Гаврику уясню котелась выпить квасу, но не было денег. Может быть, удалось отведать квасу на обратном пути, да и то вряд ли. Дело в том, что хотя бычков и было много, но у той торговли, которой всегда продавал улом, делушка сильно задохнулся. Он взял у нее на прошлый вечер три рубля на пробы и кружки для перемета, а отдал всего рубль сорок пять. Так что оставалось долгу больше чем на полтора рубля — деньги громадные! Хорошо, если торговца согласится удержать не все. А если не? Тогда хорошо еще, если останется на мясо для зайчичи и на хлеб. Какой же может быть квас?

Гаврик сломану совершенно так же, как это делал красное рыбак, когда их оломолава забота, перестав садок с одного плеча на другое и отправлялся дальше, ушел в воображении нарядный образ «Ваньки-Ключника» и душноту промалу кислого квасу.

Дальше шла настоящей уже город, с выскими домами, лавками, складами, поротами. Все было испещрено спонной тинью авации. По восточной таргетке бугром с искусственным льялом, и испрять тень несался сверху вниз по лошадям в выским немедных домот, по кучеру, по белым стенам с надписью «Завоз искусственного льяла».

Шли кузари с корзинками. По ним толсе скользя тень.

Собак с выснутыми языками подбегали и специализируясь вставали с водой, привоивали и отвалили деревес. С ластами, адранными бубанком, они делнотю алали тиную воду, чрезвычайно довольные Одеской городской урайной, поаботившейся, чтобы они не бесились от валады.

Все это было хорошо знакомо и мало интересно.

Но вот что вызвало изумление: тележка, запряженная крохотной лошадкой. Такой лошади Гаврик еще никогда не видел. Не большие тинки и вместе с тем совершенно как большая. Бесовая, пузатнкая, с широкими

грявои и маленьким, но пышным хвостом, а соломенной шляпке с джмрами для ушей, она стояла смиренно, как благоговоспитанная девочка, прижавшая и ахнула возле подъяда.

Лошадку окружили дети.

Гаврик подошел и долго стола молча, не зная, как отнестись к феиному. Нет слов, лошадка ему понравилась. Но вместе с тем она вызвала также и чувство раздражения. Он обходил лошадку со всех сторон. Лошадка как лошадка: копыта, чокра, ушки. Но до чего же заманчива! Далеко досадо.

— Пугаешься, лошадка! — сказала он с пренерением и сморщил нос.

— Это не лошадка, это не лошадка! — поспешно затараторила девочка с двумя восковыми, приходя от восторга и глупости в ладоши. — Это совсем не лошадка, а только пони!

— А вот лошадка! — сумрачно сказала Гаврик и даже надулся от стыда за то, что не удержался и упустил из виду разговора с такой маленькой в бытниках.

— А вот пони, а вот пони!

— Из цирка! — слышал басом проговорила Гаврик, как бы не обращая ни к кому. — Обманованная лошадка, но только из цирка.

— А вот не из цирка,

а вот не из цирка.

А вот это пони! На ней разводят версони, на по не. Видишь жестики?

Действительно, а те же же наводились бирюзи с версонию. Для Гаврика это была полная неожиданность. Известно всем, что версони покупаются в лавочке на копейку кварта в собственную походу. Но чтоб его развозили по домам в те же же, да еще запряженные какой-то пони, это уж было слишком!

— А вот лошадка,

сердито сказала Гаврик, отходя прочь.

— А вот пони! А вот пони!

— приехала ему всадом деловая, как попутная, и хлопала в ладоши.

«Сам ты пони», — подумала Гаврик, но, к сожалению, не было времени затевать крупную ссору.

Отбывая вокзальный сбер, из-за чуждой радости которого торжественно и суетно падало мурлом и туси, мальчик остановился, задрал голову и довольно долго смотрел на циферблат вокзальных часов. Совсем недавно он, наконец, научился угадывать по часам время. Теперь он не мог пройти мимо часа без того, чтобы не остановиться и не посчитать. Он еще считал по пальцам эти странные пальчики римских цифр, так не похожие на обычные цифры из арифметики. Он знал только, что сама цифра — двенадцать, и от нее надо начинать считать. Гаврик поставил к ногам салок и зашевелил губами, крепко загибая наизусть. Непонятно, что он искал!

— Одна, две, три, четыре...

Маленькая стража стояла на девяти, а болашая — на шести.

— Девять и с половиной! — со вздохом удовлетворения проговорила мальчик, вытирая рукавом пот с носа.

Позже, что так. Но все же не мешало бы проверить.

— Дядя, сколько время?

Господин в чужеродном пиджаке приложил к римскому носу золотое пенсне, задрал седую бородку, мальком взглянул на циферблат и быстро сказал:

— Пяльница десятого.

Гаврик ослепел от удивления.

— Дядя, а как же так написано: девять и с половиной?

— Это и есть половина десятого! — глядя на мальчика, сказал господин, как на девочку и ухмыльнулся между колен пальца с костяным набабалишком.

Гаврик стола некоторое время с открытым ртом. Наконец, он устремился на парю салок,

подтянул штаны и пошел дальше, крутя голову и недоверливо улыбаясь. Оказалось, девять и с половиной — это равно что полчаса десятого. Странно. Очень странно. Во всяком случае, надо будет спросить у кого-нибудь понимающего...

— Рави! Рави! Рави! Рави!

— Камбал! Камбал! Камбал!

— Скумбрия жила! Скумбрия, скумбрия!

— Барбушка, барбушка!

— Миди, миди, миди, миди!

Из всех торговцев пришло наиболее резкими, крикливыми голосами савались торговцы рыбного ряда. Надо было обладать безграничным одесским хохлом и кузурой, чтобы не торжиться, пройдя по этой калле столов, корзин и рундуков, заваленных трудами морской рыбы, раковины и раков.

Под громадными парусниками зонтиками и зонтиками нависла черная и серая, алая, вываленная валюта, живые богатства Черного моря.

Какое разнообразие форм, цветов, размеров! Природа приносила все удачи к тому, чтобы защитить и спасти от губиел свои замечатель-

— Подумишь, лошадка! — сказала Гаврик с пренерением.

ные создания. Она постаралась сделать их как можно более незаметными в воде: она раскрасила их во все цвета моря.

Например благородная рыба скумбрия, царящая Черного моря. Ее тугое тело, прямое и гладкое, как веретено, было окрасено новейшими тонами — от синеваголубого до темносинего. Именно такого цвета — голубого с синими морщинками рыба — бывает море далеко от берега, как раз там, где главным образом водятся скумбрии.

Нал бычки. Они водятся под берегом, среди скал, ям и в песе поглубже. Поэтому и окрасены они в бурый цвет скал или желтоватый цвет песа.

Большие камбалы, прилежники жия на дне тихих бухточек, поразали черно-зеленым цветом своей толстой кожи, уснейной плоскими костяными шипами, покосками на рывули. Она гавна помещалась у них сверху и запонки: она делала рывуток голоям в профиль, но с двумя глазами. Правда, брюхо у камбал было воскового поросеньего цвета, но брюхо камбалы никогда не поворачивалось, а всегда лежало на дне, плотно прижав брюхо к песку.

Были еще барбушки: маленькие горбатые рыбки, с крупной, розовой, как бы окровавленной чешуей, в точности соответствующей форме и цвету розоватых ракушек в наиболее чистых местах моря...

Природа была дитра. Но человек жидок.

Человек наставлял сетей и переметов, забросил прозрачную лесу удочек... И вот вся эта рыба, такая незаметная в море, такая незаметная, словно неслась своим волшебными красками в корзинки и на прилавках привоза.

Хотя Гаврик каждый день видел рыбу, у него за полверсты обнаружить в море косяк

скумбрии, но все же каждый раз он неизменно восхищался ее красотой.

Сейчас он шел, отыскивая знаменитую торговку — миде корзин, — кишеши прозрачные светяслезными раками. Они, шпуря, протягивали вверх свои клешни, сусудорожно разинутые, как конюшники.

Ходили в вересочных косоватках, из торжес торчала морюшка, подбрасывая на ладонях толстые куски отрубленной камбалы.

Солнце жгло. Рыба засыпала. Знакомая торговка сидела на детской скамейке под парусником зонтиком-зонтиком, окруженная корзинами с товаром. Громящая, одетая несмотря на двадцатиградусную жару в зимнюю шапку с бубрами, накрест обвязанная досокими платком, с упрямством козылем и через плечо, она как раз в тот момент торговалась с покупателем.

Гаврик потитительно останавливался, поглядывая, дождавшись, когда она отойдет. Гаврик прекрасно понимал, что он с дитрой всего эвалент от этой женщины и что надо быть как можно скромнее и вежливее. Конечно, он непременно она бы шалую, если бы она у него была.

И мальчик ограничился тем, что тихонько поставил салок на землю, поставил руки и поспрашивала на свои бокие переминиющиеся ноги, по дитрой одежде замшевой плащью.

Хотя дело шло всего о двух десятках бычков, но торговка продолжала уныло долго. Делать она попутателница уходила и потом опять приходила. Делать для торговки бралась за медные чашки весом, обложенные рыбьей чешуей, и делась раз бросала их обратно в корзину с камбалой. Она быстро жестикувировала местными руками в черных итиных перчатках с отрезанными пальцами, наизусть отставляла мидицы. Она вытирала рукавом засыпанное аллово-красное глянцевитое ладно, наизусть унылыми и содлыми колючками на подбородке, сусудорожно втыкала в шинке, как воронке криво, блестящие волоски большие железные шпильки и кричала оспиним голодом:

— Мадам, о чем можно быть рено? Таких бычков вы нигде не будете миде! Разве это бычки? Это золот!

— Мадам, — говорила покупательница, прерывисто отходя, — ничего жарить.

— Мадам, вернитесь! Если эту рыбу вы будете миде, купите! Вы же меня хорошо знаете. И купите же, купите же, не берите постоянной покупательнице мелоч!

— Такие бычки десять копейек десятко? Никагда! Самое большое — девять.

— Возмите два десятка за девятнадцать.

— Лучше в козому у конюшника другого из те же деньги чироты савидна.

— Мадам! Последняя цена восемнадцать. Не хотите, как хотите. Мадам, куда же вы идете?

Наконец, торг состоялся, и, отступив рыбу, торговка поволяла в пошль деши.

Гаврик терпеливо дождался, когда его заметет. Но торговка, хотя уже давно увидела мальчишка, делала вид, что не замечает его. Знаю был базарный обывок. Кому нужны деньги, тот пусть и жад. Ничего не скажешь.

— Кому скажешь рыба? Живые камбалы, камбалы, камбалы! — закрывала торговка, перелопачивая и, ахнув, не глядя на Гаврика, сказала:

— Ну, что прине? Пошла!

Мальчик отыскал дверцу сада и придвинул ее к торговке.

Торговка заступила в салок битрюю и проворно вытаскивала несколько бычков. Она поспрашивала на них искоса и уставлялась на

Гаврица круглыми глазами, черными и синими, как виноград «Изабелла».

— Ну? Где же бегичи?

Гаврица веселюво промолчала.

— Я тебя спрашиваю, где же бегичи?

Мальчик с тоской переступила с ноги на ногу и скромно улабила, желая превратить неприятный разговор в шутку.

— Та вот же бегичи, тетя. У вас в руках. Что вы, не видите?

— Где бегичи? — закричала вдруг торговка, делаясь от гнева красной, как свекая. — Где бегичи? Покажи мне, где? Я не вижу. Может быть, вот это, что в руке у тебя? Так это не бегичи, а монги! Тут разве есть, что жарить? Тут ничего жарить! Что вы мне все носите мелочь и мелочь?

Гаврица молчала. Конечно, нельзя сказать, чтобы бегичи были крупнее, но уж и не такая мелочь, как яричала торговка.

Однако возвращать не приходилось. Лучше подождать, пока она успокоится.

Омолвив кричать, торговка совершенно спокойно принялась перекалывать бегичи из сачка в свою корзину, ловко отсчитывая десятки. Ее руки мелькали так быстро, что Гаврица не успевала следить за счетом. Ему казалось, что она молниеносно, но не было никакой возможности проверить, так как в ее корзине лежали другие бегичи. Поди разберись!

Гаврица охватила ужас. Он вспотел от волнения. Во рту стало сухо.

— Для ровного счета две с половиной сотни, — сказала торговка, закрывая корзину розговой. — Забирай сачок. До свидания. Слажешь деду, что с него еще останется восемьдесят копеек. Чтوب он помнил. И пусть больше не присматривает мелочь, а то не буду брать.

Мальчик остолебеня. Он хотел что-то сказать, но язык прирос к зубам.

А торговка уж кричала, не обращая на него ни малейшего внимания:

— Камбала, камбала, камбала! Бегичи, бегичи, бегичи!

— Мадам Стороженко, — наконец, прошептала Гаврица, — мадам Стороженко...

Она нетерпеливо обернулась:

— Ты еще здесь? Ну?

— Мадам Стороженко, скажите же вы дадите за сотню?

— Тридцать копеек сотня, этого семидесяти пять копеек, да вы мне оставили один рубль пятидесяти пять копеек, значит, еще с вас во-

— Где бегичи? Покажи мне, где? Я не вижу.

семидесяти. Так и слажешь дедушке. До свидания.

— Тридцать копеек сотня!

Гаврица хотелось кричать от обиды и злости. Дать бы ей изю всей силой кулаком в морду, так, чтобы из лоску потекла юшка. Илан укусить...

Но вместо этого он вдруг улабила завискивающей улыбки и проговорила, чуть не плача:

— Мадам Стороженко, вы же всегда давали по сорок пята...

— Скажите спасибо, что даю за такую разнь по тридцать. Или с богом.

— Мадам Стороженко... Вы ж сами торговаете по восемьдесят...

— Мой товар: поскользну надо, посторыку в продажу. Или, или, не морочь голову. Камбала, камбала, камбала!

Гаврица посмотрела на мадам Стороженку. Она сидела на своей детской скамеечке — грозная, неприступная, каменная.

Он мог бы ей сказать, что у них с дедушкой нет совершенно денег, что надо обязательно купить хлеба и мяса для наварки, что требуется асисто-нашего копеек пятнадцать — двадцать, но стоило ли уныловаться?

В мальчишке вдруг затосковала рыбающая гордость. Он вынул рукавом слезы, вымарываясь двумя пальцами в пыль, асинула на палец полегчайший сачок и вошла прочь своей цепной, черноморской походочкой, думая о том, как бы раздобыть мяса и хлеба...

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Стихи Л. ЧЕРНОМОРЦЕВА

Друзья!

Хорошие приметы

Нам возвестил весенний гром.

Не потому ль

Под дождик этот

Я выбегаю босиком?

Стою,

Как будто мне апервижу

Вот так легко и озорно

Ловить прохладную дождичку

Как полнозвонное зерно.

И самшу я

В далеких стойлах

В ночи — протяжный сытый мык.

И над густым пахучим пойлом,

Фырча, переступает бык.

...Бренчит подойником доярка...

Вот кто-то вышел на крыльцо:

Спокойный,

Мягкий вспых цыганкин

Из мрака выхватил мирю.

И предлохозна окуливает

Меня, —

Что на дворе storm.

Он говорит:

«Восла какая!» —

И ловит теплую струю.

Он руку над собою тянет,

На доверла небесам,

Он хочет все проверить сам:

Вспну

И дождик этот ранний,

Шуршащий соню по кустам...

ЗАДАЧА ВОСПИТАНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО РАБОЧЕГО

Статья Л. ВЛАДИМИРОВА

Задающую перспективу действий расширяет перед нами новая программа ВЛКСМ. На долю ленинского комсомола выпала исключительно поставка раз — быть помощником партии и советского правительства в выполнении самой аскальной исторической задачи человечества — строительства коммунистического общества.

Существованию этой задачи посвящены все деятельности ВЛКСМ. Его специальной миссией является формирование из молодого поколения советской страны восторженные, развитые, идейно-политически воспитанные, культурные и образованные люди, достойные быть создателями и членами коммунистического общества. Воспитанию таких людей под руководством партии и посвящает свою деятельность коммунистический союз молодежи. В программе ВЛКСМ, каждая строка оторой нацелена на стальной мудростью, четко выражена эта задача:

«ВКП(б) и советское правительство организуют коммунистической строй, — такой строй, где не только отсутствуют частные собственности на средства производства и уничтожены классы и эксплуатация человека человеком, но где исчезнут и последние остатки экономического неравенства между людьми, где труд и средства к существованию станут первейшей жизненной потребностью, радостным проявлением творческих способностей человека; где в результате раскрепощения личности, повышения производительности труда будет достигнуто такое изобилие, такое богатство общества, что принцип социалистического распределения от каждого по способностям, каждому по труду» будет заменен принципом полного коммунизма — от каждого по способностям, каждому по потребностям».

В этом обществе окончательно исчезает противоположность умственного и физического труда. Наука и искусство достигают небывалого расцвета. Человеческая личность, свободная от всяких пут и оков, получит полную возможность восторженного развития всех своих талантов и способностей. Каждый человек будет добровольно обладать все новыми убеждениями и нормами коммунистической нравственности, необходимостью государственной власти исчезнет окончательно.

Восковой ленинский коммунистический союз молодежи является основой и стержнем любой организации, применяющей к ВКП(б), объединяет в своих рядах широкие слои передовой, политической грамотной трудящейся молодежи города и деревни. ВЛКСМ имеет своей задачей помощь коммунистической партии (большевиков) в деле воспитания молодежи и в детей в духе коммунизма. Социстическая программа ВКП(б), ВЛКСМ помогают партии большевиков и советскому правительству в выполнении великой исторической задачи — строительства коммунистического общества...

...Всей своей работой ВЛКСМ под руководством ВКП(б), воспитывает из рабочих, крестьянских, советской молодежи из молодой интеллигенции людей, проинформированных властью, образованных, людей смелых и решительных, не боящихся лишений и трудностей, людей, неизменно стремящихся к совершенству, людей, для которых «исконность чести, настоятельность в деле достижения цели и твердость характера, командность и все всякие простоты» (Сталин), являются их главным богатством».

Х с'езд комсомола, по прямому совету товарища Сталина, всю свою работу поставила перед собой на разборку практических задач, вытекающих из этих положений программы, т. е. задач восторженной учебы и коммунистического воспитания молодежи.

Условия для осуществления задач, которые поставил перед нами партия и Х с'езд ВЛКСМ, нам являлись более благоприятными. Эти условия — самая наша сегодняшняя сытая жизнь, расширение перед молодежи такие возможности, каких и в помине не могло быть раньше. «Советская молодежь», — говорил тов. Косарев в своем докладе на с'езде, — поднималась на небывалую высоту. Ни одно из предшествующих поколений молодежи не имело таких возможностей для своего физического и духовного расцвета, какое имеет советская молодежь. Никогда молодежь не знала и не могла жить в окружении таких исключительных забот, внимания и любви со стороны государства, какое посвещено общему миру — советской молодежи».

Классовое положение молодого человека, вышедшего из семьи рабочего или бедняка-крестьянина, определяло его жизненный профессионализм, к которому он обычно приобщался с как материально. При этом его удавалось в обществе, поощряемое на разделение физического и умственного труда, была в преобладающем большинстве случаев труд, физический, труд, лишенный творческой радости, труд, калечащий и угнетающий его духовную жизнь. Разделение труда при капитализме приводило к разрыву культурной жизни людей, к вытеснению физическим трудом, в частности к «изгнанию деревенской жизни». Маркс и Энгельс писали: «...разделение труда делает возможным — больше того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, насаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов...» («Немецкая идеология». Соч. Т. IV, стр. 22).

Состояние советской молодежи состоит в том, что она благодаря своим не оторым избыткам от подобной социальной несправедливости. Наша молодежь не знает безработицы и нищеты. Молодые люди нашей страны обладают высшим уровнем своего системного творческого, разностороннего, ничем не ущемленного труда.

Состояние советской молодежи состоит, далее, в том, что она, будучи избавлена от физического закабаления, не знает и закабаления духовного. И в этом — ее второе, решающее отличие от молодежи, живущей в капиталистическом мире.

Советская действительность поднимает нашу молодежь нормам общественного поведения. Материалистическая наука фундаментальнее ее взгляды.

Короче говоря, все условия для небывалого культурного подема молодежи в нашей стране созданы.

Справедливо поэтому являет вопрос тов. Косарев в своем докладе: что же может оказать с помощью дальнейшего развития нашей молодежи? Что же нужно для того, чтобы наша советская молодежь оказалась на высоте тех задач, которые перед ней ставит партия и коммунистическая партия и всем обществом?

Помощью является недостаток знаний, культурности, образованности. «Наука и культура не стоят на месте, а быстро двигаются вперед, то, что недавно являлось передовым, сегодня может стать и становится отсталым.

Готовности и желания двигаться вперед науку и технику мы не забываем, они у нашей молодежи, но одной лишь подготовкой к ним, только подготовкой для того еще недостаточной (из доклада тов. Косарева на Х с'езде).

Вредин, глубоко ошибочным является представление о том, что раз все объективные условия для культурного роста молодежи созданы, то, следовательно, каждому молодому человеку в отдалении от не он сам заботиться, учиться, читать, как подает его к культуре. Конечно, это абсурд!

У Х с'езду особенно подчеркивалась необходимость для молодежи без чванства, без зазнайства, упрямости, по-ленински, по-сталински изучать науку, овладевать современными знаниями.

«Культурность и образованность», — подчеркивал тов. Косарев на с'езде, — являются в наши время главнейшими качествами молодежи нашей страны».

Перед глазами советского юношества должны не отсутствовать благодарные примеры того, как овладевая высокой культурой основоположники марксизма, Ленин, Сталин, Марти и великие люди нашей страны. Перед глазами советского юношества должны не отсутствовать примеры того, как они использовали драгоценное время жизни — юность — для накопления величайших знаний.

Нельзя брать от молодежи все лучшее, что она может дать. Принимать брать от жизни дешевле, чем дарить! Но в чем состоит эта дара, в чем же состоит это положение, которое мы должны? В буржуазном обществе «поглощение» молодежи юности, чрезвычайно было равносильно ее прожиганию, трате впустую молодых сил, молодой энергии. Такое понимание «дара молодежи» чуждо нам, чуждо всей нашей молодежи.

Часто недостаток знаний пытаются оправдать недостатком молодежи. Люди сами неправильно делают себе «спаску на молодость». Имеем ли мы право на такую спаску? Может ли советский молодой человек, 22-лет лет оправдывать отсутствие у него достаточных знаний, недостатком интеллектуальности тем, что он «еще молод»? Удается ли недостаток знаний объяснять отсутствием молодежи, ее объективным атрибутом? Отнюдь нет, я тем более в наших условиях.

Каждый советский юноша, каждая советская девушка имеют все возможности для получения фундаментальных и серьезных знаний, для освоения культурного наследия человечества.

Достойно уважения общества лишь тот, кто, войдя в зрелый возраст, имеет право, имея на своем счету много хорошего, свою молодость не променял словесным жалением, а сделал все, чтобы юность свою была наиболее ценной для общества, для партии, для построения коммунистического общества.

А для этого нужно воспитывать в себе коммунистическое отношение к труду, великое коммунистическое трудолюбие, неутомимую жажду знаний, дисциплину, высокую дисциплину и организованность в овладении знаниями. Надежда Константиновна Крупская отмечает в своих воспоминаниях о Ленине: «За каждую бы работу у братьев Владимир Ильич, он делал ее необычайно тщательно. И чем больше придавал он значения той или другой работе, тем больше вникал он во все мелочи». Вот такую дисциплину, тщательность, творческую усидчивость должен воспитывать в себе каждый советский молодой человек, для того чтобы полностью использовать великий дар — молодость для того, чтобы в будущем принести величайшую пользу своему обществу.

Ученая часть нашей молодежи — молодые исследователи, ученые, инженеры, сталковщики фабрик и заводов — доказывает, как надо полностью пользоваться юностью. И юности можно и должно быть посвящено.

Движущим фактором в науку, овладевая современным оборудованием, без чего «коммунизм останется лишь пожеланием», — вот к чему призывает нас ленинская партия, призывает нас товарищ Сталин, призывает нас решения Х с'езда ВЛКСМ.

Секретари Центрального Комитета

Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи

X созыва

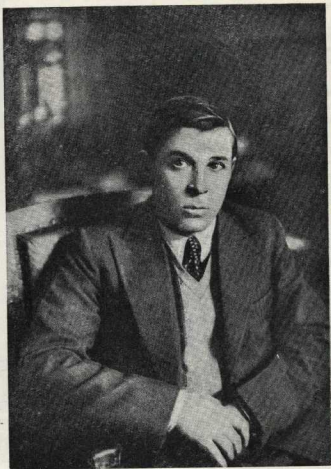
Татьяна Федоровна Васильева.

Валентина Федоровна Пихина.

Дмитрий Дмитриевич Лукьянов.

Александр Васильевич Косарев.

Евгений Львович Файнберг.

Петр Афанасьевич Вершков.

На первом пленуме Центрального Комитета ВЛКСМ десятого созыва были избраны секретариат, бюро ЦК ВЛКСМ и утверждены заведующие отделами ЦК.

Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ единогласно избран А. В. Косарев.

Секретарями ЦК ВЛКСМ избраны: Лукьянов Д. Д., Файнберг Е. Л., Вершков П. А., Горшенин П. С., Васильева Т. Ф. и Пихина В. Ф.

Бюро ЦК ВЛКСМ избрано в следующем составе: Косарев А. В., Лукьянов Д. Д., Файнберг Е. Л., Вершков П. А., Горшенин П. С., Васильева Т. Ф., Пихина В. Ф., Иванинский С. Д., Андреев С. И., Вайшля И. С., Лецигер Е. Д., Герцович Л. Б., Харченко И. И., Чезоданов В. Т., Бубекин В. М., Тимирязева Ш. Т., Мускин В. А., Сметков Р. С., Черный А. Д.

Павел Сидорович Горшенин.

РЯДОВОЙ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

Очерк П. КОРЗИНКИНА

Холостиков неистово аплодировал.

«Ни доблесть самурая, ни сила воинствующего банда в коричневом мундире со свастикой не спасут от печальной участи тех, кто посмеет напасть на нас».

Это сказал Александр Васильевич Косарев, и взрыв рукоплесканий заставил его на минуту прервать свою речь. Когда аплодисменты стихли, оратор продолжал:

«Все они будут иметь дело со сталинским доведением молодежи, убежденной в непобедимой правоте великих идей Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, перед силой которых разлетится, как солома, современная звучная империалистическая армия».

И новый всплеск аплодисментов потряс сводом привнесшего и рукоплескания зала. Вместе с другими яростно аплодировал и Холостиков, человек в строгой форме военного моряка.

Это было недавно, в дни X съезда комсомола. А через несколько дней—на торжественном заседании в Большом театре...

...слово для рапорта от Тихоокеанского флота было предоставлено командиру соединения подводных лодок тов. Холостикову.

Он одернул свой синий костюл и взошел на трибуну.

Чеканя каждое слово, Холостиков говорил о том, что на Тихом океане создан могучий военно-морской флот, что его бойцы готовы в любой момент нанести смертельный удар любому, кто посмеет напасть на священную советскую землю. Он говорил о славных комсомольцах Тихоокеанского флота, несущих боевую вахту на самых передовых постах обороны.

Стоя, делегаты съезда слушали рапорт.

Первая советская подводная лодка в Тихоокеанских водах шла под командованием Ге-

оргия Никитича Холостикова. Эта первая лодка до сих пор держит переходящий приз ЦК ВЛКСМ—значок КИМ на рубке. Эта же лодка впервые на Тихом океане совершила зимнее плавание.

Еще не так давно, встречаясь в море с советской подводной, японские «куцки» называли лезли на нее, норовя осмотреть со всех сторон и запомнить интересные подробности. Они забывали даже здороваться, зотя морской этикет предписывает «купцам», встретившись с военным кораблем, первыми «принимать шляпу». Теперь не то: сила красного флота стала реально ощутимой, и встречи подводную лодку, какой-нибудь японский «Сибирь-Мару» или «Чита-Мару» (характерные названия!) первым спешит расклинать.

За свои 34 года Холостиков проделал данный путь. Смы железнодорожного машиниста на Барынович, он успел окончить только церковно-приходскую школу. Дальше учиться пошла война. Семья бежала от немца наступления. Бросяничка, жила в приюте, работала на швейном и лесном заводе, продавала газеты.

Когда помещики оккупанты наступили на Украину, Холостиков уже был в составе молодежи «III интернационала». Немного позже, в том же 1918 году, Холостиков вступил в комсомола.

Враг подходил к Курску, где в это время смещением в железнодорожном депо работал Холостиков.

— Не с Лениным же оставаться!—сказал он, взяв винтовку и ушел в ЧОН.

В страдные дни гражданской войны Российский коммунистический союз молодежи послал 10 тысяч своих лучших товарищей в ряды непобедимой Красной армии. Среди этих 10 ты-

Георгий Никитич Холостиков.

сяч был и Холостиков. Южный фронт, бои под Орлом и Курском. В списках делегатов II всероссийского съезда комсомола можно найти фамилию Холостикова. После съезда—снова фронт, теперь уже польский, работа политруком 511-го полка. С 1920 года Холостиков—коммунист.

Свою службу во флоте Холостиков начал краснорубцем.

Затем, артикомом, за артикомом—подготовительное училище комсостава флота. Военно-морское гидрографическое училище и, наконец, подводная лодка.

Он стал штурманом.

Много тысяч миль и много тысяч часов проплавал на воде и под водой тов. Холостиков. Был штурманом, минером, старпомом, командиром подводной, командиром подразделений лодок. Начиная с 1925 года он не пропустил ни одной ластей вахты. Он случался на дно Балтийского моря и Тихого океана.

...Это было давно, когда Холостиков еще плавал штурманом. Однажды лодка попала в туман.

— Стать на якорь!

— Есть стать на якорь!

— Положем, пока разойдется туман,—сказала командир.

Ждали долго, но туман не расклиндался.

— Штурман, курс!

Определение курса в тумане—ответственная вещь. Ошибись немного—и впадешь корабль в скалы.

Холостиков дал курс 105. Лодка пошла. Через некоторое время Холостиков смотрит: идут курсом 90.

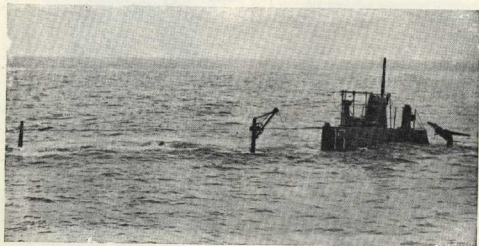
— Почему идем этим курсом?—спросила Холостиков.

— Флагманский штурман приказал.

— На мель идем, товарищ командир.

— Молоды еще учить флагманского штурмана,—ответил Холостиков.

А он и в своем деле был молод: плавал первый год. Однако был твердо уверен в себе.

Подводка медленно погружается...

(Скисание см. на стр. 123)

НОЧЬ НА СКАТЕ

Рассказ комсомольца-орденоносца М. БЕЛИКОВА

..В больнице я не слишком мучился. Тоа-
жо, когда снимали швы, было до того больно,
что и даже опозорился: потерял сознание.
А так — только уже тревожила в отрезанных
пальцах. Пальцы странно чесались, и все до-
талопа почесывали ими, словно они и раньше
еще были на своем месте.

Спала я из-за этого мало. Ночи
в больнице длинные — я всю свою
жизнь за то время успел переку-
рывать. Лежу на спине, правой ру-
кой лезую, больную, качаю —
боль утихает, как малого ре-
бенка, смотрю вогнутому на
свет — лампочка электрическая
прямо надо мной — и все вспоми-
наю, вспоминаю...

Тихо воркует в палате.
Полок прохулил за окном, как
дождь. Я прикидываю по времени,
какой это именно прошел: скорый
— на Минеральные воды или
пассажирский — на Алушту? Хотя
нет, колеса очень дробно стучат,
авторное, багажники: прошлая
тысяча пудами, груженные у-
мом. «То-то, — думаю, — было вози
на сортировках!»

Гудит, проходя мимо, паровоза,
будто издалека подает мне голос:
«Выздоравливай, мол, Беликов!»
Представляю: вот пролетают по
мосту, семафоры кланяются им,
белый дымок кружит — хорошо!
Давление, ветер разве с такими
мечтами утешил!

А когда-то я больше всего меч-
тал о бетоне. Главным моим геро-
ем был бригадир бетонщиков
тов. Марусин: ему прозвище было
«бригадир темпов». Но это уже
потом, когда я из деревни в Харь-
ков приехал, а сначала террен был
алейки танкет, а еще раньше...

Я в детстве очень полюбил гео-
графию. Деревня у нас глухая, ле-
сенная дорога сосиски давала, а тут,
на школьной карте, мир просторный
показывался и разнообразный,
как палата.

Из всех стран больше всего мне
принадлежала Африка.
Так мне хотелось хоть краскою
глаза на нее поглядеть, что я,
когда спать ложился, строго-на-
строгу сам себе приказывал:

«Смотри ж, спи лучше да по-
проче, чтоб тебе Африка обяза-
тельно приснилась!»

Но только спавшие мне обычно
не Африка, а соседские гонимы,
вчерашний борщ да отговасная вы-
молочка: отец у меня был суровый
мужик и меня за тошнотные мои
фантазмы не одобрял.

А потом, когда я уже стал подростком,
возвратился в нашу деревню из Красной армии
танкетками: шаровальными ребята, гармонисты,
засекались. Тут уж и про Африку забыл. Служу
волею нин, рот раскрывши, только глазами
мигаю.

Ну, у нас, деревенских ребят, только и штри-
пов этого стало — в Красную армию. И го-
лубый забавил и курчавенький забавил. А я
и вовсе ошалел. Иду по улице — от меня люди
празднично: плахи старуюсь больше поддаться,
защелкав: пикну, как морюшка. Ворот на всю
деревню как завоу! «Пудметинич, к бою!»
Я, видите ли, командир танка, я и пулеметчик,
я же и сам танк.

Этот второй у меня был герой — танкет.
Мечтал быть «хвостом. Даже жалел, что вой-

ны нет и нигде мне свое геройство провисть.

Ну, тем временем исполнилось мне 16 лет
и пошел я в Харьков учиться столярному делу.
Тогда в первый раз и железную дорогу уви-
дел. В Харькове показало мне, как во сне.
Такого дворца, как Дом госпромышленности, я
до сих пор нигде не видел. Площадь ровная,

ни неохотно. А Марусин так сумел повернуть,
что работать по бетону стало самым почетным
делом, а про бетонщиков стали даже песни
складывать и являть писать.

И одну песню помню про то, как марусин-
цы своим телом стогрели бетон. В ту зиму
стояли сильные морозы. На Лосевом поле, где
строили Тракторный завод, шел
снежный буря: как ножом резал.

И ставили тогда марусинцы свой
новый мировой рекорд. Бетоноче-
нашка дробебалла часто, как пу-
мет, кончи с бетоном летали над
головами, вода замерзала на леде-
ном ветру. Страшно было галдеть,
что с бетонными делалось. Па-
дала плашка на жерный бетон,
чтобы не дать ему остыть, и при-
крывали своими телом от ветра. А
рекорда все-таки добились несо-
мненно на стужу.

И еще мне товарищ рассказывал,
как соревновался Марусин со своим
другом, тоже бетонщиком Мясни-
цын, и как из обоих перетата ком-
сомолец Зозуля.

Они тогда по бетону далеко по-
шли: оставили и Германию, и Ан-
глию, и Америку. Бетоночекалка
немецкой фирмы «Кайзер» была
всего на 240 замесов рассчитана,
а марусинцы на них под коней
большие таскали каменья.

Меня от рассказов про Маруси-
на, как в аллюраде, трясало.
Главное, меня засладало, что ведь
все бетонщики много лет были ре-
бята, а тоже недалеко из деревни.
Из, может быть, до рекорда шу-
тки тоже салотанкины, как ме-
ня, прозвали. А теперь попо-
буй — обзони!

Страшно я говарю, что никак
за временем угнаться не могу.

Гражданскую войну по малост-
ту прознал. Промчался мимо
нашей деревни красивые повстанцы,
простреляли по ярам и родам
пулеметы, а мне — дураку — всего
было тогда три года — какой из
меня повстанец!

И тут тоже прознал: с рекор-
дами и с Марусиным. Чего было
бы на два года раньше и Харь-
ков прознал! А то только мне
песни про бетонщиков и остались
да рассказы об их геройских штур-
мах в метель и вьюгу.

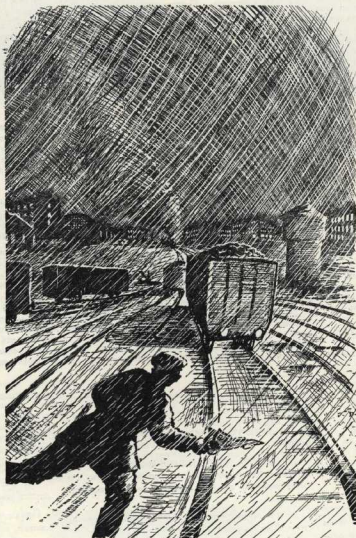
Я закумал тогда угнать из
Харькова, где уже все застроено
и мне нет простора, на какую-
нибудь летательную и героическую
стройбу: на Север или на Даль-
ний Восток. Своим же мне разни-
чался фантазия. Обязательно хочу прогнеться
на весь Советский союз несмысленным рекордом
по бетону. Чиб и Марусин и Зозуля обо мне
узнали, что вот, мол, молодой бригадир Бели-
ков дал 1200 замесов.

Но в это время как раз вылезает меня наш
секретарь ячейки: я тогда уже комсомолец
был.

Вот что, Беликов, — говорит, — комсомола
хочет тебе ошалеть домрине. С транспортом
у нас сейчас туго. Мы тебя хотим на транспорт
послать в счет члнства твоя.

— Ну что ж, — говорю, — посылайте. Я пра-
ва, по бетону хотел работать, но если ошале-
мо, посылаете, могу и на машиниста высту-
питься. Машинистом тоже везело.

Рис. Д. Кривеликова

...И уже, додумывая набезу, жмешь что есть сил наперевек пальмочку.

цебень от строительства еще лежит, а сааи,
за Домом промышленности, синие небо и низкие
облака. И весь Дом прозрачный и летящий,
через яри и переклаи далекий горизонт видно.

На то мой товарищ Оверко был рассу-
дочный человек, ни такой фантазер, как я, и
то считался:

«Будто из воздуха сделал. Не может быть,
чтобы его такие люди, как мы с тобой, своими
руками сработали!»

Стали мы работать по столярному делу.
Получал мне союз по верстаку — балалур,
молодой парень, из бывших строителей. Про ои-
то мне про Марусина и рассказывал. Марусин
прогнеться тогда на Харьковский тракторном
своими рекордами по бетону. Это танкетка ра-
бота — бетон, и народ раньше шел в бетончи-

— Нет, — отвечает мне секретарь, — машинистом тебе, Беломов, пока рано. Ты башмачником будешь на станции работать.

Он меня отпусти словами, как холодной водой облил. Я так понял, что мне придется самостоятельно делом заняться: обуть железнодорожников как чинить, что им. Дело, конечно, оказалось не в обуви. На железной дороге башмачники — это тот, кто при сортировке вагонов, когда вагоны плывут с горни эстады, башмачник, иначе сказать тормоза, под них подкладывает. Беш мут лопить, не положивш времяз башмак, получатся заворот: загон на вагон налетит, и делается «дребезжа».

Но мне сначала все это казалось скучным: я о героическом подвиге мечтал, а Дальний Восток обещался ехать, а тут, понаехали — подкладывая башмак под колеса! Но потом я постепенно привык. Работа все-таки подходящая: нужно проврать находчивость, быстроту, аллюмпознать.

— Матвеев на меня вагоны, так те тавили, о которых я в деревне самшала. Вот-от сохнут, разнесут в валоу. А я только не терю, работаю быстро, но без паники. И вот тупилея пулямам уменьшил ход, разнесутся на пулямам тупилея, выстраиваются вереницей! Шум-та, послушно выстраиваются к транспорту.

Стали меня аванду этого выдвигать по комсомолу. Я уже стрелковой охране помогал: безбашмачных вылазил, а с хищениями борюсь. И чем горячее работал, тем мне Осинова эти становится родней. Ну, так всегда, наверное. Как с детьми: чем больше хлопот материн дитя стоит, тем она его больше любит.

А башмачником я уже стал одним из первых. За все время у меня нет ни одной аварии. И другие башмачники приходят поблагодарить, как это я работаю.

И вот наступает ночь на 3 июля — примет-во для меня на все жизнь число.

Я потону в большом море думал: у каждого человека, по-моему, есть три судьбы: одна в жизни, одна что прошло и будущее всего знач-ни и сам человек сразу понимает, что он есть и много ли он со всей своей человеческой требу-бой стоит. Так и со мной в ту ночь произошло.

У меня с вечера голова сильно болела. Мой товарищ Овсеров подошел ко мне:

— Может, я тебя замению на скате? Чего

тебе, если нездоровится, ладн-то в ночную? Ночью прова будет, попрымашнать уже!

— Ничего, — отвечаю, — у меня на вестере голова пройдет.

И я решил: только выплес на воздух — пере-стал голова болеть. Небо все в тучах, вави-ца на горизонте поблескивает, потом ветром шарянуло по листе, телеграфные провода за-звенели — и ливень.

Холодильник вылезал поше. Составов много, маневровые вагоны, пробоянные жарнат, поспешай, мол, за нами! А дождь хлещет во-вод, буря, а не дождь! Стена вола жартом. Вдурт возмешет порыв ветра — и в лицо тебе сразу как из ведра плывуно. На секунду слепнешь, потренируй глаза, рутнешся, а за воротник ледяная струя полет.

Но отрицаться и окараниваться времени не было. Вагоны так и снуют мимо. Реаль-са скользя, тормоза работают из-за этого пла-хо — смотреть надо в оба!

К половине дождь немного утих. «Ну, ду-мано, — скоро разойдет!» А на пути у меня сто-ит 16 вагонов. Принимаю семидеятый! И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

И тут же, сразу, слышу шумящий со ската, как с цепи сорвался. «Эй, Осинова дело, — думаю, — тормозов-то на пулянье нет, а реальс море. Как раз он и в мое состав на полном хо-ду угодит. В цепни разойдет!»

кто работает на станции, как мой смехих управляет без меня. Газеты приносили, где обо мне было напечатано.

Вот раз, только они пристроились читать мне вслух, вдруг забежал железнодорожник, сестры, оправдают простыни на моей кой-ке, престаивают шить на соезде. «Что за торжество, — думаю, — то-тозасты!» Входит на чашиние полнотелая дорня, редактор дорной газеты, наш парторг, начальник станции. Несомно мои товарищески жести в дорня, шапки понимаю, смотрит на меня во все глаза.

— Вот что, товарищ Беломов, — говорит парторг и называет меня на «ты», — только что сейчас получена ячсет вас телеграмма от прав-тельства. Прочтите!

И подает мне телеграмму, а я удерживаю ее не могу: так вздрот руса затрассил и сердце заколотилось, хотя сам не знаю, отчего.

Начав читать: «Награждается за личный ге-роизм и самоотверженность...» — и дальше не могу. Бумажка прагают, не могу разобрать слов: сразу вздрот руса затрассил.

Ну, спасибо, редактор подкладывает телеграм-му, прочея громко, что все самшала, о том, что тов. Беломов награжден орденом Красного знамени за героизм. И после этого все сразу на ципулях утило, потому что явлет, что я вздрот очень поблдил, отпонулся на подушки, и доктор им говорит, что меня не на-до пока волновать, а то повысится темпера-тура.

Сказано мне, что все было парторгом, что так как я подала прошение и люблю к присп-порту, то старшина посылает меня учиться в техникум, и через несколько лет, если буду стар-таться, я выйду инженером по паровозам.

Многое случилось со мной с той поры, когда я впервые увидел железную дорогу, а ведь это — смешно сказать — было только в 1932 го-ду — четыре года назад.

Я вышла тогда из вахшей дорни на зар-ботки в Харков — с охоткой посмотрела на пар-овоиз и в вагоны сидел недовоин, старался не дышать, чтобы, случаем, вагоном не опро-кинулся.

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Чужой я был парни: большой был фан-тасор, очень о палитмет метал. Об Африн-меттал, о гражданской войне, а подлигто оказывалось совсем под рукой, на простой, на обшаренной и даю не очень казистой на первый взгляд работе...

Рядовой первого призыва

(Скочиничин)

— Прикажете идти курсом 105, — настаи-вал он.

Его не слушали. Тогда, спустившись в свою крохотную каюту, он записал в наизаписный жур-нал: «По приказанию командира, идем курсом 90, прямо на мель. Нужно идти курсом 105».

Решительность Холодисткова произвела шпе-счатление. Командир приказал остановить до-ку. Когда туман разошелся, определила: истинный курс — 105. По курсу 90 вперед ле-жала мель. Тщательность и уверенность Холодист-кова спасли корабль.

Когда Холодистков был помощником коман-дира, на лодке произошедшая такой случай.

Молодой минер готовил торпеду. Эти сталь-ные ситары сами по себе являются небольшо-ми полноводными лодками. У них свои механиз-мы, движущий их, свои рули, держащие торпеду на заданной глубине, на которой она подкра-дывается к кораблю.

Холодистков присутствовал при подготовке торпеды. Когда осталась последняя зарядка, его кто-то позвал:

— Товарищ командир, компас Сперри что-то баует.

Холодистков пошел поправить компас. С ми-нером остался молодой старшина группы, са-моуверенный, но еще недостаточно знающий торпеды.

— Не надо стесняться на винты ставить, — сказа-ли он. — Без стеснения сделаем.

Минер послушался старшину.

Он оставался без стеснения стальная ситар вавешн... заработала. Густой дым, масло пова-лило из нее.

— Полугулар!

Минер и старшина бросились к рубочному локу.

Холодистков усмался шум в корме и бе-готности. Бросился туда — вся команда в деку. Еле пробивается свет лампочек. Народ бегит навстр. «Сейчас взорвет торпеду!»

— По местам! — скомандовала Холодистков.

И сам, лопая, в чем дело, бросился к тор-пеле и ликвидировал опасность.

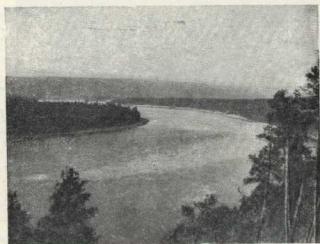
Сейчас Холодистков командует соединением подводных лодок. Японцы не даром присмат-риваются к нему.

В суровой Якутии

Рассказ и фото В. ЗИССЕРА

Местами скалистые берега сменялись каменными осыпями.

После поворота река подошла к левому берегу.

День великопосный. Горы, складывающие долину реки, отшли от бурь и ураганами повету, по которой среди высоких айсбергов асов катит свои прозрачные воды красавица Гимны.

Настроение бодрое, радостное. Егор, потягивая из коротенькой трубочки, неустойчиво думает, помогая и в своем корытном воевом.

Ни одного перевала, ни одного камня на возвышенной гряде реки.

До вечера без айсбергов привалочный проходил около 50 километров. Начало уже смеркаться, когда остановились на ночлег. Не разбавив плавки, выжили чаю, покурив у костра и улеглись спать. Завтра, чуть свет, двинемся дальше...

Но расчеты наши не оправдались. Проснувшись мы только тогда, когда солнце, поднявшись высоко, начало сильно припекать. Быстро взошедший чайник, вылезав на середину реки, сложил весла и приплыл за чаепитием.

Егор заткнул свою бесконечную пачку «Огонь», се-кай, а я, алаясь за дневник, который не записывал последние три дня.

Несколько раз Егор отрывал меня от дневника, указывая то на спускающийся с берега из расщелин гор ледник, то на западающую небольшую реку или на застроенные на мели деревни.

Окончив записки и оглянувшись, я заметил, что пойма значительно сузилась. Горы прищипнулись почти к самой реке.

Егор, видимо, заметил это раньше меня.

— Худой дело, вода опять сильно сердитый будет,— заявил он.

Через полчаса мы уже палили со скоростью, по крайней мере, 8 километров в час, не трогая весла.

С обеих сторон теперь поднимались высокие гористые берега.

Шливая река убавилась до 100 метров. Попадному, спорю Гимны айти войдет в «трубу» и будет пивать нашу лодку, как щепку. Все же в наших сердцах еще теплилась надежда, что горы разойдутся так же несамостоятельно, как они сошлись, и мы вновь окажемся на просторе.

Автор рассказа — рабочий Гимно управления Северного морского пути. Неоднократно участвовал в экспедициях на территории Якутской республики, занимаясь оловянной промышленностью, а также поисками и добычей оловянного материала об оловянных рудных месторождениях.

Рассказ «В суровой Якутии» построен на фактах, которые автор видел на своем рабочем месте. В частности, описаны река Гимна, правый берег Урала, впадающий в Арктику. Завоев экспедиция проводила при этом, но не только, а также была вынуждена столкнуться на лодке, так как весь путь по реке Гимне был невозможен.

Берега Гимны совершенно не исследованы. Тем более трудной и опасной была работа экспедиции. Разные лодки в реке, работники исследовали долины и разные стороны на исследовании. Там едвали едвали и были рассказы. Вместе со старшим-матросом, оловянным производством Егором, он пошел на лодку экспедиции и начал спускаться вниз по Гимне. О том, как проходила дорога, вы узнаете, прочитав рассказ.

Но вот река резко повернула, посылалась из отдаленной долины, сначала смутной, а потом из долины и в долину, затем все усиливаясь и усиливаясь и вдруг, совершенно неожиданно, перевернувшись в лодку, вложившись, упрямой рекой. Казалось, что порок в лодке-лодке 50—100 метров от нас, за ближайшим поворотом. Севастийский весел, мы начали

Лодка слегка покачивалась на заблуждающихся в вводящих волнах.

ли трости к берегу. Однако, несмотря на то что река в этом месте была настолько узка, что, казалось, можно было перепрыгнуть с берега на берег камней, очень долго пришлось порабывать веслами, пока лодка не оказалась на крепкой лодке, не тонула носом в землю.

Призвав ее к дереву, мы выжили на берег. — Руль бери,— обратился ко мне Егор.— Тут плохой место, постоянно боковой «старик» лодки, кабарда поймать, оловянный, айсберга поймать. Вода шибко шумит, оловянный, кабарда всякая пить пришла, слушать не могу, «старик» его кушать.

Перспектива встретиться безоружным со «стариком» мне не угадалась, тем более что медведи были голодные и зам после зимней спячки. Следуя разумному совету, я достал из лодки ружье и перевернул дробовые стрелы на штурмовые.

Егор угадал мне на большие следы медведя, ясно отпечатывались на мягком мху.

— Утоят солнце ходи, однако близко. Ухватив да ухватив отпер...!

Я стал зорко следить за медведем. Один из патронов тою лез в ствол. Вторая его рукой насколько можно было, я хотел задержать ружье, но оно не задержалось. Все мои усилия оказались напрасными: патрон не подавался ни тула, ни сюда. Пришлось оставить ружье в лодке и идти без оружия, надеясь, что медведя и встретим.

Берег густо порос молодым березником и аистовником, среди которых были протоптаны очень торные мушкетеры тропы, испещренные свежими следами. С большим трудом пробирались мы к берегу над порогом.

Тропа круто спускалась под гор. Только мы прошли узкое место между скалами и выжили на небольшой площадке, как перед нами вырос громадный худой медведь. Первое его движение было оборонительным. Затем он зарева каким-то неестественным голосом и так же быстро исчез, как и появился, спрятавшись в плащаницы.

1 Ухватив да ухватив отпер — большой, большой старик. Неоднократно — очень близкая медведя.

Карта Учурского района, где работала экспедиция.

— Гоним сильно спугался, теперь далеко бежит, завтра сердитый будет.

Сойдя к воде, мы окончательно убедились, что через «Ырин-таш»¹, как Егор окрестил порог, пройти невозможно.

— Эй, чорт возьми, зря лодку строили, теперь все равно бросать придется, — вырвалось у меня.

— Зачем чорт назван? — возразила Егор. — Сейчас пороги ходи не могу. Лагерь назад пойдем, вода маленький будет, пороги нету, лодка ходить могут...

Это было логично. Действительно, обстановку мы изменили, вода слезла вниз, поэтому нам ничто другое не оставалось делать, как разгрузиться и идти обратно в лагерь экспедиции.

Рано утром, бросив прощальный взгляд на оставленную палатку, тронулись в путь. Взяли только самое необходимое: две банки консервов, шесть апешек, несколько укусов сахара, котелок, две чашки, ружье с 12 патронами и топор. Идти было очень трудно.

Когда начало смеркаться, усталие до изнеможения, морские по пояс, остановились на ночлег у небольшого озера. Быстро были уничтожены банки консервов и три апешки — наша дневная порция.

— Как думаешь, Егор, сколько мы прошли сегодня?

— Завтра солнце спать пошеет — лагерь будем. Половина дороги прошла, — отозвался он, сжимая портки.

Утром, после скромного завтрака, мы вновь начали прыгать через колодники и котки, взвизгивая всю и голову.

Все время не переставая шла дождь. Видимость ухудшилась. Чтобы не сбиваться с пути, решили идти к берегу реки, так как горный дебри левого берега, служивший нам ориентиром, больше не было видно. Казалось, что река протекала недалеко от места нашей остановки, но к ней мы вышли только во второй половине дня.

Шам по берегу, но я не узнавал реки: как будто стала она уже да, пошла и медленнее. Постепенно много овладевало сомнение.

— Егор, мне кажется, это не та река, по которой мы плыли.

— Какой не той, другой река нету.

С закатом солнца дождик перестал. Выбрал

удобное место, остановились на ночлег. Сели посидеть на банках консервов и одну апешку. В этот вечер долго провозились у костра, просушивая одежду.

Когда солнце поднялось уже порядочно над горизонтом, двинулись дальше. Из продовольственных запасов оставалось лишь три укуса сахара.

Река становилась все уже и медленнее. Не хотелось идти в этом направлении. Какое-то чувство подсказывало, что мы идем не туда. Не знаю почему, но я не решился высказать это Егору. Между тем и у него, по моему мнению, появились какие-то сомнения. Старик стал больше озадачиваться, иногда останавливался и внимательно всматривался в даль, как бы изучая окружающие горы.

Назавтра мне стало ясно, что мы идем не туда, куда нужно. Река сузилась, горы подошли почти к самым берегам, и силосо и рьяно попадались не только перекаты, но даже небольшие пороги.

Четверо я выматывала на пути хотя бы какого-нибудь зверя или птицу. Такая как бы выморал. Будь сейчас осень, можно было бы питаться птицами, по ягодицам только еще начинали застывать.

Я прибрался шлангу, желая дотянуть моего товарища по несчастью. Дотянул я его на берег. Вид у Егора был растерянный...

Дальше идти нельзя было: перед нами был водопад высотой не менее 5 метров.

Карта была красивейшая из всех, какие я видел за время моих путешествий. Три мощных зеленеватых каскада низвергались вниз, соединялись в одном ключевичьем котле. Но нам было не до яростной природы. Когда солнце скрылось за окружающими водона горами, Егор вывел меня на осуждения:

— Вставай, Владимир, вода горячий пить надо, думай нада, лагерь где.

Задумавшись, а может быть, и задремав, я не заметил, что Егор развел уже костер. Вдурт я уснул!

— Сам кушай не надо, хоизин дай надо, хоизин дай сердце сдается, все голова кружи, глаза дуйти, поимай совсем нету.

Тунгусская молодежь учиться в школах, вузах, работает в комсомоле, а среди стариков все еще много таких, которые продолжают верить в «хоизин». По старым верованиям тунгусов, у всех есть свой «хоизин». «Хоизин» воды, «хоизин» леса, «хоизин» гор, главный же из них — «хоизин» огня. «Хоизин», если рас-

сердится, может послать болести, слепоту, смерть. Чтобы не сердить «хоизина», его надо почитать и угощать.

Я проделал Егору идти завтра не обратным путем до Гышима, а впереворот.

Егор категорически запротестовал:

— Хоизин сильно сердитый, это будет пугай, обратный свой след ходи нада...

— Обратно если идти, — продолжал я настаивать на своем, — мы пройдем лишние два дня. Есть у нас четево, можем ослабить и вообще не дойти.

— Кушай шету люди достать солнца тоже могут. Сосна кора варить кушай мошка, это десять солнца ходи. Наши ружья есть: всякая стрелай можно...

Костер, джогар, слабо освещая большие деревья, давшие сплошной стеной стояла депрессивная тьма. Водная пурма.

Вдурт, заглушая шум водопада, раздался мощный рев. Рев продолжался несколько мгновений и неожиданно оборвался на высокой ноте. Затем мы услышали дрышье и рычанье, заглушаемые потоком резинки эластичными. Нет сомнения, это медведи двурты из-за медвежат. Маловидно в таком случае всегда находится поблизости от места подвала, наблюдая за смертным боем своих нявловров. Горе тому, против кого медведица обратит свой гнев в такую минуту! Визние враги тогда моментально бросаются на виновника и раздирают его в клочья. Даже вооруженный человек нестрашен тогда медведям.

Нужно было принять меры предосторожности. Костер не давал возможности нам сослаться рассмотреть окружающее, поэтому, сдвинув ружье и топор, мы арыкули в темноту ночи. С торону, противоположную своей, откуда доносился рев. Глаза привыкли к темноте, и теперь мы ясно могли различить все метров на 100 вокруг.

Далеко вперед, среди деревьев, ленто вспыхивала оставленный нами костер. Медвежий подлинно близко не было слышно.

Но вот рычанье и рев засыпался уже в другом месте, слышимое по течению реки, выше в каньоне-броду 200—250 метров от нас. Грызня и драка то замолкала, то возобновлялась с удвоенной силой. Как ни замечали, было добыто скелет медвежонка на ушки, думать о вылезании с одним ружьем и двумя пулевыми патронами мы не могли. В большом напряжении просидели мы около часу. Затем усталость начала скрываться. Внимание наше ослабло. Непонятно дрышье свой оборвал все наши мысли...

Разбудила меня Егор. Немедля мы двинулись в путь.

Первое время идти было довольно легко, но уже через два часа ружье стало сильно реветь и палец, जोй депаласко на валаскин, иногда кружилась голова. Старик поразил меня своей выносливостью. Несмотря на свои шестидесять лет он не проявлял признаков усталости. К концу дня я окончательно выбился из сил.

Начался четвертый день нашей голодовки.

Очень мы план молча, занятый каждый своими мыслями.

Полодя к реке, Егор неожиданно остановился в нескольких метрах от берега и сразу упал, подав мне знак, чтобы я сделал то же самое. Я осторожно подошел к нему. Старик привалил голову и, указывая вверх по реке, тихо сказал:

Таба².

Вне мне было острон. На его берегу стояла да лавина. Одна из них шла к другой стороженко около водоу. Сердце у меня забилось, я быстро стал перезаряжать ружье пулями.

Я уже начал приближаться, когда услышала шопот.

— Стрели не нада, табта сейчас сода павел...

Действительно, насторожившийся было ослеп усталости и начал входить в воду. За ним пошел в воду и другой. Руки у меня дрожали, сердце стучало так, что, казалось, олеяла самым этот стук.

¹ «Ырин-таш» по-тунгуски — каменный порог.

² С.гав.

Скоро берег скрыл приближающийся олений. Пристав на одно колено, я с неимоверным напряжением ждал их появления. Теперь все зависело от меня: сумею ли я влечь себя и руи и не провалиться?

Олень высочка прямо на нас. Не успев я повернуться и вскинуть ружье, как он выскочил и моментально скрылся в чаще. Еще мгновение — и на том же месте вырос второй олень.

Я выстрелил. Олень упал. От радости мы как в предсмертных судорогах и сорвались обратно в воду.

Течение подхватило и понесло мертвую тушу. Мы бежали по обрывистому берегу, но сойти к воде не могли. Олень все дальше и дальше отходило, а мы все больше отставали: мешали чаща и валуны...

Нервный подьем прошел. Ноги еле двигались, в висках стучало. Только нечеловеческие усилия над собой и надежда, что где-нибудь олень прибьет к берегу, заставляли нас двигаться дальше. Спотыкаясь, падая, вновь поднимаясь, я шел, шел и шел. Каждая застрявшая у берега корюга казалась олевыми рогами. Начинался бред.

Солнце склонилось к горизонту, когда Егор остановился и указал на выдвинувшийся вперед хребет.

— Этот толку? Гымым берег, однако той сторона плавая вода.

Егор и я узнали характерные очертания гор. Мы их видели, проплывая по Гымыму. Когда же мы шли обратно, горы были закрыты дождем. Поэтому-то мы и сблизил с пути.

Мои предположения подтвердились. Мы ушли по берегу притока. Теперь нужно было переправиться через него и следовать вдоль берега Гымыма вверх.

— Ты вода грей, мой плот делай, — сказала Егор. — Горячий вода пить вада, весла работай сила нет...

Егор начал рубить сухую сосну на плот, а я, собрав последние силы, стал разжигать костер и кипятить воду, но не выдержал и заснул.

Было почти темно, когда Егор разбудил меня. Плот был готов. Оставалось только столкнуть его в воду. Вышла по кружке горячей воды, мы столкнули плот и, укрывшись на нем, начали переправу на противоположную сторону, подбегаясь к подвешивавшимся вырубленным Егором пестам. Едва соскочили с песта на берег, как Егор сел отдохнуть и тотчас же заснул.

Несомненно, старика тоже начали отставать силы, хотя он прешлся.

К полудню следующего дня вышлал на берег Гымыма. Теперь уже не было сомнения, что мы идем правильно, так как все время попадались знакомые места. Пятый день голодомки сказывалась. Шли, волоча ноги, очень медленно, часто отпамята. В голове неотвязно кружилась мысль: неужели не дойдем?

Казалось, что сил хватит еще на десять, пятнадцать минут, не больше, но прошло двадцать минут, проходила час, а мы все двигались и двигались вперед.

Этот день был самым трудным из всего нашего путешествия. Вчера еще вытаскивали последние табак и теперь из-за этого мучились, покалывали, болели чеш от голода.

На полдние Егор распрощался со мной, как нужно обращаться с бескровной, и ушел караулить зайцев.

Было еще совсем темно, когда я проснулся и больше уже не мог сомкнуть глаз. Странно, мне не хотелось есть. Рядом лежал Егор и о чем-то разговаривал во сне. Я мог разобрать только отдельные слова: «оленей», «стрелы»...

Зайцев овалю него не было; видимо, старик просидел напрасно. Ночь теплая, и так приятно лежать на спине, глядя на утешающие звезды. Мне пришла мысль предложить Егору сделать дневку и отдохнуть. Странно было подумать, что скоро нужно подниматься и идти. Егор заворочался и поднялся. Удивил, что я не сплю, он ответил:

— Ходя вада, латерь близко. Ночь моя далеко ходи, собери самца, однако, пестов есть, ходи легчай...

Мысль о дневке вылетела из головы. Мы двинулись в путь. Как только наступил

Лесная урса.

У оленеводов-колыванков.

Полашка. Берег

рассвет, впереди отчетливо обозначалась гора, у подножья которой был наш лагерь.

Немного времени спустя мы услышали выстрел. Я выстрелил два раза. Отчетливо раздались два ответных выстрела.

Еще через час мы были на каменной стороне реки. На противоположной стороне стояли мои товарищи по экспедиции — Давыдов с Петровичем — и тут же вертелся Полашка, заливаясь радостным лаем. Нам оставалось переплыть через реку, но... сил больше не было. Мы с Егором лежали на гальке, не в состоянии подняться.

Петрович сообщил, что у него есть свежие лепешки и недавно сваренная уха. Это сообщение только удивило наше состояние. С помощью первой силой заготовлен есть. Даже начали тошнить.

Петрович подполз, но ничем не мог нам помочь. У него не было лодки и не из чего было сделать плот.

Просидев на отмыли больше часа, мы поднялись и медленно поплыли вверх по реке, используя материал для постройки плота. Километра в трех от отмыли нашли массу сухого леса, выброшенного на берег вешней водой. Оставалось только соорудить плот. Но мы не могли даже вытащить из трюма нужного бревна.

Тогда Егор предложил лечь посылать: послать сил прибавится. Действительно, трещавший сои оленевик ныс. После усиленной работы плот был построен и мы благополучно добрались до противоположного берега, встречены радостным лаем Полашкой и богатым утешением, заботливо приготовленным Петровичем. Однако на первое время пришлось ограничиться лишь небольшой порцией ухи и чайной горючего чаю.

...Ни одного камня, ни одного переката на арктичной глади реки.

Линия Мажино

Карта французских пограничных укреплений, так называемая линия Мажино.

Вечером 7 марта этого года командующие 6 и 20-м военными округами, прикрывающими французскую границу в районе Метц — Страсбург, получили чрезвычайные вызовы дислоцированных в Парижа. Уже через несколько десятков минут по главным автомобильным дорогам Эльзаса и Лотарингии, по направлению к границе, плыли тяжелые бронетанковые, моторизованные артиллерийские, полки танков, моторизованные пехоты на автомашинах. Всю ночь на аэродромах гулели мощные моторы одномоторных истребителей, готовых подняться в воздух при первой тревоге.

В этот день правительство фашистской Германии объявило о том, что оно вводит свои вооруженные силы на территорию так называемой демилитаризованной Рейнской зоны.

История этой зоны вкратце такова. Одной из статей версальского мирного договора, заключенного по окончании войны 1914—1918 годов, предусматривалось создание на франко-германской и бельгийско-германской границах особой полосы, в которой Германия не разрешалась держать войска и строить укрепления.

Демилитаризация Рейнской зоны мешала Германии подготовить эту территорию для войны на Запад. Для ведения войны нужны аэродромы, заводы, казармы и многое другое. Все это германские фашистские власти создавали в Рейнской зоне и до 7 марта. Стремление ускорить свои вооруженные приготовления привело к открытому нарушению германским правительством его международных обязательств.

Французское военное командование оказалось вынужденным принять меры предосторожности. Французские части занимали позиции в непосредственной близости от северозападной границы. Тысячи артиллеристов, пехотинцев, танкистов сгрустились густою похodoм в бесплодные степи укрепления «линии Мажино», названной так по имени французского военного министра, непосредственно руководившего ее проектированием и строительством.

...Посмотрим на карту Франции. На юге она соприкасается с Швейцарией. Здесь поднимается один из наиболее трудных по своей проходимости горных хребтов Европы — Юра. Вдоль французской границы, прикрывая Лотарингию и Эльзас, почти под прямым углом к Юре идет другая горная гряда — Вогезы. Но в районе Бельфора горы отгораживают значительный пологий — здесь так называемая «Бельфорская дыра». Дальше по границе, в районе Метца, расположены многочисленные озера и заболоченные пространства, в частности

болота Сен Гон, где в 1914 году шла ожесточенная бой. На севере — Лотарингское плато, которое является предельным французской замкнутости, опирается на Арденнские горные массивы. Здесь протекают реки Мозель и Маса, причем Маса, как и менее крупные реки: Самбр, Эско, Шар и другие, — течет на запад и долины их открывают ворота в глубь страны.

...Еще сейчас в старинных французских городах Упер, Алле, Дулэкс, Коула высятся крепостные башни, построенные элементарно Воблом — военным инженером короля Людовика XIV.

Франко-прусская война 1870—1871 года, которая сложилась для Франции крайне неудачно, завершилась подписанием франкфуртского мира. Кроме крупной денежной контрибуции мирный договор предусматривал передачу Германии Эльзаса и Лотарингии — двух французских провинций, богатых своими недрами и промышленными сооружениями.

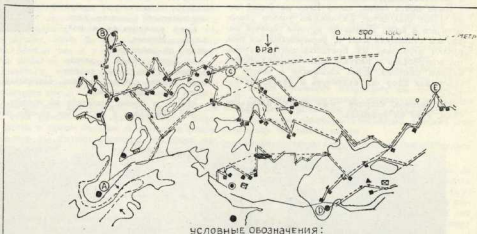
Опасясь нового нападения пруссаков, французское военное командование вскоре после франко-прусской войны приступило к укреплению своей новой границы.

Общий план укреплений был разработан военным инженером Серж де Ривьером.

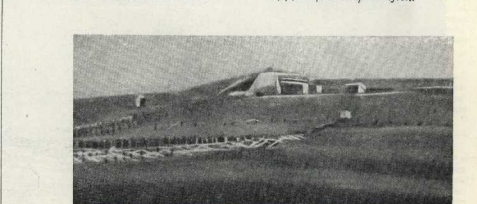
Линия укреплений состояла из отдельных крепостей: Бельфор, Эпиналь, Туал, Верден, Мебже, а в некоторых местах имела, кроме того, небольшие промежуточные форты.

Крепости эти сыграли выдающуюся роль в мировой войне. Весь 1916 год немцы безуспешно пытались сломить сопротивление Вердена. К крепости были поданы десятки танковых орудий, не считая нескольких сотен мекхик. Новые и новые вышки бросали в «верденскую мясорубку» отборные дивизии и корпуса. Верден имел 18 отдельных фортов. Только 5 из них попали в руки немцев. Остальные 13 оказались неприступными.

В жестоком испытании — мировой войне — при огромном росте наступательных средств крепостные сооружения особенно наиболее поздней постройки (Верден) оказались не выдержали, которые на них возлагались. Но за 20 лет военно-инженерное дело сильно двинулось вперед. Что же представляют собою эти сооружения сегодня? Чем сильны они?

Условные обозначения:
★ Главная (основная) или привокзальная сеть
● Вторичная (дополнительная) сеть
— Подземные пути, ширина колеи 0,6 м
— Железнодорожные пути, ширина колеи 1,43 м
— Железнодорожные пути, ширина колеи 1,43 м
— Железнодорожные пути, ширина колеи 1,43 м
— Железнодорожные пути, ширина колеи 1,43 м

Вверху: схема одного из больших укреплений. Внизу: на подступах к «линии Мажино» (снизок из французской газеты «Экспресс»).

Через несколько часов после превращения пограничной полосы от Женевского озера до Тиноналя у Люксембурга и дальше по реке Маас до голландской границы окажется полностью непригодной. Не будет ни одного квадратного метра территории, где бы было возможно укрыться от огня фортов и блокгаузов. Химия, электричество, авиация, десанты, может быть, сотни иному не известных изобретений поставлены здесь на службу обороне.

Здесь на крепостях, напоминающих сооружения Вобана и Сера де Риньер.

Поворотлистый наблюдатель, возможно, даже разочаруется. Ведь он увидит всего-навсего редкие приземистые железобетонные строения, бесконечные ряды рельсов, частых, обшитых войлочной проволокой. Впрочем, если увидите укрепления там, где их нет, и вы не увидите их там, где они есть», сказал один французский офицер своему спутнику, получившему разрешение осмотреть один из фортов.

Маскировка сооружений подлинно мастерская. Самый опытный глаз не отличит опоры Вобана от причудливой формы фортов, ибо каждый такой форт проектировался отдельно, применительно к местности, и ничем не выделяется в окружающий пейзаж.

Вся пограничная полоса делится на укрепленные районы.

В каждом районе устроено 7—10 мощных укреплений, около двух десятков мелких и бесчисленное множество подготовленных позиций для пулеметов и легких орудий. В укреплениях установлены также все крепостные орудия, зенитные и противотанковые пушки и пулеметы, прожекторы и звукоулавливатели. Кто бы ни проник в зону укреплений, неизбежно окажется скошенным ураганным огнем.

Глубоко под землей, подчас на глубине до 110 метров, в широких бетонированных галереях с большой скоростью движутся железнодорожа.

Электричеством освещаются и отапливаются по-

Операционная одного из госпиталей на глубине свыше ста метров (снимок из французской газеты «Экспресс»).

мещению, поддерживается связь, облегчаются хирургические операции в госпитале, приготовление пищи в кухне, с помощью электричества идет и стрельба.

«Больше 20 дней прошло с момента, когда была отнята армия от боевой тревоги», — пишет корреспондент газеты «Матин» Жерома-Ринш, — а между тем здесь, в укреплениях, дисциплина была столь же жесткой, как и утром 8 марта. Люди оставались у прицельных устройств, а заматывали только как в сутки гарнизоны фортов могут дышать свежим воздухом на поверхности...

Я еду мимо рядов колючей проволоки. Даже сейчас ерзодовать препятствия можно лишь с трудом. Всподу кучи сухих листьев, через которые виднеется земля, казалась, готовая для всапания. Високо надлом со мной ворох листьев поднимается столбом, как гонимый осенним ветром, потом падает... В эту секунду мы слышим характерный звук металла, мы слышим отблеск стали и звука в черноте зияющих дыр. Потом снова поле принимает свой прежний, мирный вид.

Мы входим в одно из малых укреплений, которое будет держать под ударом второстепенные участки. Маленькая земляная дыра... На уровне земли видна серая масса бетона. Ряд переходов. Мы под землей. Электричество выключено. Говорят лишь керосиновые лампы. В туннеле, где установлены пулеметы и противотанковые орудия, идет оживленная работа. Минуты скалды боеприпасов, горючего, продовольствия. Вот помещение для бойцов, телефонная станция с многочисленными коммутаторами, электростанция.

Поворот ручки — и через секунду все укрепление ярко освещено...

Особенно сильным укреплением в районе между устьем реки Ауверт и Тиноналем. Именно здесь ожидается удар германских механизированных частей (танки).

Можно ли прорвать линию? Много раз задавали себе этот вопрос авторитетные военные специалисты. Их ответ отрицательный. Там, где не будут стрелять орудия, там путь врагу закроют болота, минированные участки, разрушенные дороги. Вравская пехота, появая под ураганным пулеметным огнем фортов.

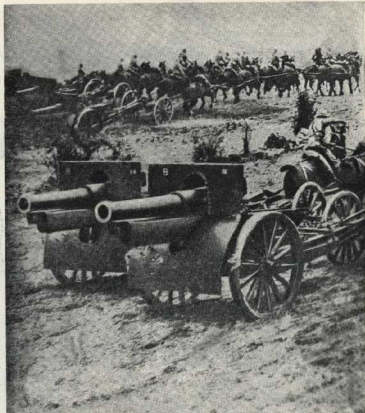
Там, где расположены большие укрепления, никакие силы не смогут приблизиться хотя бы на 20 километров. Потребовалось бы сосредоточение в одном пункте сотни танковых орудий, чтобы пробить брешь в обороне.

В середине октября 1918 года лучшие части союзных армий, располагавшие около 2500 орудий всех калибров, потратили 4 дня, прежде чем прорвали «линию Гинденбурга».

Но «линия Гинденбурга», построенная в условиях военного времени, стояла значительно ниже «линии Мажино».

Прорыв «линии Гинденбурга» означал крушение всего фронта, а захват одного из 300 фортов «линии Мажино» не приведет ни к чему.

Стальные двери толщиной в несколько десятков сантиметров отделят захваченный противником участок от остального сооружения, а отравляющие вещества уничтожат проникшего в укрепление врага.

8 марта 1936 года, Маневры в зоне фортов. На снимке: момент прибытия полка 150-миллиметровой артиллерии (из французского журнала «Вю»).

Шесть лет строился «линия Мажино».

Вынуто 12 миллионов кубометров земли.

Уложено 1,3 миллиона кубометров бетона.

Лишь в основных фортах поставлено 55 тысяч тонн броневых плит.

Мощность электростаций измеряется десятками тысяч киловатт. Провода высокого напряжения — тысячами километров.

Временами на строительств, несмотря на большую механизацию работ, было занято до 32 тысяч рабочих.

Линия сегодня закончена.

Крепостные войска упаковываются наиболее опытные специалисты. Нигде так не высок процент военных с тощическими специальностями, как в войсках, обслуживающих укрепления.

А за их надежной защитой стоят наготове французские мото-механизированные части, задача которых — разгромить агрессора, если он осмелится вторгнуться на территорию страны.

Германский империализм гонится к войне.

«На Западе «линия Мажино» обманет врага, обманет врага, писал недавно генерал Дебейер.

Но если французы попытаются удержать на Востоке, то они наткнутся на другую линию, о которой, выступая на XVII партсезде, нарком обороны, маршал Советского союза товарищ Ворошилов сказал, что она крепко замыкает нашу страну от посягательства врага.

Если правда, что на Западе «линия Мажино» обманет врага (ведь мало зубов), то на Востоке враг получит не только зубы, но и голову.

Маневры в зоне фортов. Команда зенитного пулемета подымае цель (снимок из английского журнала «Сфайр»).

Прыжок со скалы

Очерк заслуженного мастера спорта
ПЛАТОНА ИПОПОЛИТОВА

Фото С. КРАСИНСКОГО

Летом безпризорники промышляли солью. Батага отчаянных ребят горстями собирали «броду» на саратовских пристанях и возила драгоценный груз в Тамбов мешать на рыцарские ковчегии длаба.

Расположившись на крыше вагона и прикутив мешки с солью к отдушкам, ребята сбегали в кучку, закурили и ждали, когда начнется в карты, как вадит «Штык» анес отчаянное предложение: — пробовать на ходу поезда жеск сопела по крышам вагонов.

Предложение было принято, и два замурзанных «Ахуемат» ринулись на перетонки с хвоста поезда к паровозу.

Бегутыю лопот перепрыгивали с крыши на крышу, шлепая босыми ногами по горячему железу и размахивая длинными рукавами...

Поезд шел под уклон, набирая скорость. Поездный состав вадит выпулуду до поезда браа крутой поворот. В тот момент «Штык» прыгнула через тамбур, сорвала и ружу вина. Раздался отчаянный крик. Поезд, промывая скаты на станках, мчелся дальше...

На ближайшей станции ребята сошли. Мешки с солью они предхотворительно зарыли в лесу, а сами отправлялись на розыски своего несчастного друга.

Они являли его ложащим на рельсах. Тело «Штыка» было разрезано колесами на куски. Ребята выжили, напали на лес, похоронили «Штыка» и воздвигли вместо памятника кусок доски с собственноручными подписями. Среди другие такая подпись: «Иван Механик из Минска». Было это в 25 год...

Пробродничая три года, Иван вернулся в родной город. Родители его умерли. Но как-то на базаре он попался на глаза старшей сестре.

— Ты что же это, долба будешь бродничать? — обурчалась комсомолка на беспутного брата. — Ты дурацел, я тебе это позволю? — и решительная Иван повела братишку в детский дом. За «атаманом» динулись остальные.

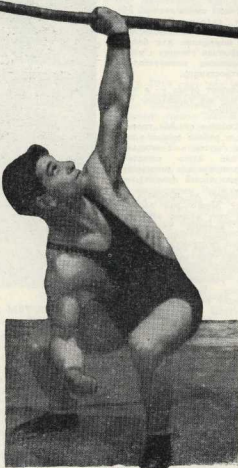
Но в детский дом их не приняли. Ребята, возмущенные отказом, кулаками угрожали заведующему. Тот отправил их в приемник.

К концу месячного испытания в приемник явился инструктор Копельман из детского. Опытный педагог выбрал самых отчаянных и повел их лично их перевоспитать. Ребята привалясь к инструктору. Как големы из длаб, с жадностью набрасываясь они на работу в мастерских. Юный Механик выбрал себе специальность отца: он стал изучать сложное ремесло.

В детском доме Механик познакомился и с физкультурой. Сильный и ловкий, он увлекался гимнастикой, прыжками, акробатикой, но больше всего любил... танцевать.

Свой первый рекорд Механик поставил на приводе...

На обшорной фабрике «Трудоисполнитель», куда он пришел работать, после того как оставил стены гостеприимного детского дома, он давал 250—300 пар закрой в день вместо нормы

Мировой чемпион комсомолец И. Механик, член спортивного общества «Локомотив».

в 80 пар. Ударная работа привела его в ряды комсомола.

Летом 1928 года Механик едет в Москву, на Международную спартакиаду. В пролетарской столице он очарован спортивными зрелищами. Он видит знаменитых гимнастов и прыжков гиревиков. Любуется их работой, но сам выступает, как... танцор.

Лихо откатывая со знакомой девушкой еврейской напропалую танец, он получает первый приз в парных алесках. Но спортивная страсть берет верх: он хочет быть спортсменом, а не танцором.

В следующем лето он снова едет в Москву, чтобы получить физкультурное образование. Он возвращается в родной Минск уже квалифицированным инструктором. Сам же перекочует на гиревой спорт.

В классическом тяжелоатлетическом пятиборье есть трудное и очень сложное по выполнению движение — рывок одной рукой. Спортсмену нужно рвануть вверх над головой тяжелую штангу и удержать чужиную многопудую на вытянутой руке. Это движение требует от гиревика точности жонглера, гибкости танцора, сил грузчика и эластичности бегуна.

Молодой гиревик начал тренировать «рывок одной», стараясь одним движением акцентуат длаб курчавой головой побора собственных веса. Штанга легко рывалась вверх, как жолда на гребень волны. Но так же быстро и низвергалась вина, не находя точки опоры в руке спортсмена.

Спортсмен подседал под штангу, выпрямлялся, беда с ней по ареше, как партнер с танцовщицей на вытянутой руке. Но грив штанги катался в руке, словно покоренный вояка, чужинные блины от этого как бы удавлялись в весе и... движение срывалось. Напрасно упритие мышц наминалось вперед, крепкие ноги сплывали в присаде: многопудовая штанга после вялой неудачной попытки всей тяжести вставала в деревянный помост площадки. Движение не было отработано: тело гиревина после рывка не получало устойчивости.

Однако молодой атлет упорно тренировался, поставив себе целью побить мировой рекорд швейцарца Шиннера в рывке левой рукой. Шиннар рывнул 77,5 кило. Десять лет ни один гиревик не мог превзойти этой цифрой.

Наконец, рекорд был побит ленинградцем Шатовым. Он отрывал 78,4 кило. Механик в те же дни вырвал на 200 граммов больше. Но, по международным правилам, рекорд на одну руку нужно побить не меньше чем на полкило — только тогда он будет зачтен. Рекорд Механика считали повторением мирового рекорда Шатова. Но тут наших рекордсменов побил невезучий атлет Шнейгер. Он дал удивительный вес — ровно 80 кило.

В мае 1934 года мировой рекорд снова за Шатовым — 80,9 кило.

В конце 1935 года на матче Ленинград — Минск комсомолец Механик залеза скалам, что он готов побить мировой рекорд в рывке левой рукой.

— На штанге 82 кило, — торжественно объявляет судья. — Выше мирового рекорда на 1,1 кило.

В зрелищном зале наступает тишина, какая бывает в цирке, когда артист под куполом готовится к прыжку.

Проектор освещает крепко сбитую фигуру гиревина.

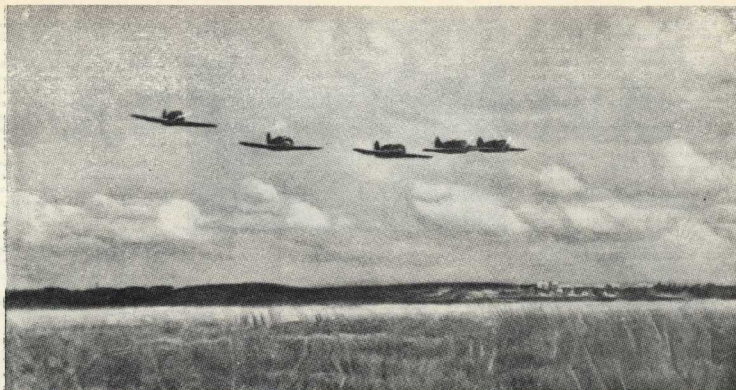
Он с прыгом напропалую, аса надвигивается, собирая всю свою энергию в один рывок. Затем резким, сильным движением выдиныет вверх 200 фунтов. Чужинская для человека тяжести готова рухнуть с трюкотом вниз, но гиревик успевает выпрямить руку, низко подсаживаясь под стальную перекачку. Гиревик, танцор в присаде. Убедившись, что коромысло прыжки не качнется в руке, атлет стал осторожно подыматься. В зале гремел аплодисменты.

Мировой рекорд покорно лежал в сильной руке комсомольца.

«Открылся X с'езд ленинского комсомола. Мастера спорта разогрелись с'ездом мировыми рекордами. Подлетели полторы с'еду и комсомолец Механик. Он подошел к штанге и вырвал левой рукой 83 кило, установив новый мировой рекорд для атлетов легкого веса.

«Есть!» — прокричал от радости толком крикнул судья-финикатор.

«Есть!» — затрепетал аплодисменты делегатов замечательного с'езда.

Пятерка отважных

Очерк Л. КОРОБОВА

По Красной площади шли колонны первомайской демонстрации.

Сводный оркестр играл бравурный марш. Музыка гремела во всех концах площади.

Но вдруг в звуки марша врезалось жужжание моторов. Жужжание переходило в рывок, который звучал все громче и громче...

Из-за куполов Василия Блаженного вылетело пять воздушных машин. Они похватали на торпеды.

Пять бесстрашных людей, сомкнув крылья своих машин почти вплотную, вели самолеты и

маневрили с такой скоростью, какую даже трудно представить. Не долетев до маяка всего несколько метров, они молниеносно развернулись ввером ушли в облака.

Это зрелище продолжалось секунды, но люди на площади успели разглядеть маленькие крылья и хвосты красных самолетов, блеснувших на солнце никелированными частями.

Пятерка шла строем над домами улиц имени Горького. Моторы самолетов были в одной линии. Москвичи напряженно следили за этим полетом, провожая отряд глазами до тех пор, пока он не скрылся в синеве.

На другой день после парада пять летчиков считали себя самыми счастливыми людьми нашей родины.

На центральный аэродром прибыли руководители партии и правительства. Они осматривали образцы нашей авиационной промышленности и знакомились с теми, кто безукоризненно водил самолеты над столицей.

Пятерка несколько раз поднималась над аэродромом. Летчики проделывали головокружительные петли, перевороты и другие фигуры. Всех пятерых: Владимира Коккинаки — командира отряда, Виктора Есеева, Владимира Ше-

Преман.

Есеев.

Коккинаки.

Шевченко.

Супрун.

ченко, Супруна и Премана—К. Е. Воронцов представил товарищам И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. М. Кагановичу и Серге Орлановичу. Климент Ефремович наградила за летное искусство каждого летчика беспарашной «пятиерки» золотыми часами.

Вскоре отряду пришлось снова показать свое мастерство. В Москву приехали представители французского правительства во главе с г-ном Пьером Лавалем. Гости заняли трибуны Монинского аэродрома. Перед ними расстелилось огромное поле.

Скоростная пятимера шла навстречу зрителя. Она летела над землей на высоте одного метра, зерна небольшие интервалы между крыльями. Гости смотрели с трибуны, и у них создавалось впечатление, что самолеты не летят, а лишь стремительно катятся по аэродрому.

Прошла две—три секунды, и самолеты своей взмахи на небо и сделали приветственную петлю.

Интервалы между крыльями при этой петле были от одного до двух метров. Малейшее неточное движение рулями привело бы к несчастью.

Самолеты на значительной высоте поднимались снова над аэродромом и одновременно грациозно перепорхивали через крылья.

В мире нет подобных мастеров высшего пилотажа. Такая слетанность в авиации—исключительно редкое явление. Слетанность экипажей в будущей войне будет решать исход воздушных таях. Вот почему мы восхищаемся нашей пятимерой.

Умение водить самолет в строю достигается длительной тренировкой. А когда строй самолетов выполняет какую-либо фигуру, то здесь пилот должен еще обладать особым «художественным» чутьем. Летчик должен уметь вообразить фигуру мысленно и построить ее в «однаковом режиме» со своими крылатыми соседями. И когда летчики хорошо тренированы, когда отшлифованы все детали полета,—фигура является необыкновенно красивой и вызывает восторг.

Черновая работа, репетиции, тренировочные полеты были сложными—они отнимали у летчиков много энергии.

На обширном поле выстраивались пять маленьких красных самолетов. Техники делали последние приготовления, осматривая моторы и управление.

«Коккинали? Есеев? Шевченко?»

В среднюю машину сядет Коккинали. Он командир этого отряда, и все остальные должны беспрекословно подчиняться его приказам в воздухе.

Вслед за командиром садятся в машины Есеев и Шевченко.

Звонкое жужжание пропеллеров выполняло поле. Маленькие самолеты уже стремительно уходили в безоблачное небо.

Казалось, ничто не могло нарушить этого стройного полета. Но вот Коккинали приказывает приготовиться к исполнению петли. Сначала самолеты идут ровно, но, переворачиваясь вверх колесами, один пролетает дальше, другой немного отстает. Тогда Коккинали ведет зveno в петлю вторично. Три, четыре, пять раз повторяется одно и то же, пока не достигнута полная одновременность в исполнении фигуры.

Теперь зveno идет строем фронта. И, точно по мановению дирижерской палочки, все три машины немного поднимают носы вверх, переворачиваются через крылья и снова выравниваются. Но наблюдательный глаз заметит, что один самолет переворачивается медленнее, другие быстрее. Это ломает ритм. И летчики снова переворачивают самолеты и тренируются до тех пор, пока не добиваются одновременности.

Звеню, достигнувшего совершенства в тренировке, приставлено четвертый самолет и, прорезав с ним все фигуры, принимало в строй и пятую машину. Но здесь возникали новые трудности: крайние самолеты во время петли отрывались, боясь, очевидно, врезаться в соседей. Только после новой продолжительной тренировки отряд научился делать фигуры ровно и красиво.

Два года назад начинал военно-воздушных сил РККА Язоз Иванович Алексис сформировал этот блестящий отряд. Славный отряд получил новейшие скоростные машины. Скорости этих машин баснословны. Они пролетают за одну минуту столько, сколько примерно автомобиль проезжает по городу за четверть часа.

Пять летчиков известным далеко за пределами нашего Союза. Все они члены партии, все, кроме Владимира Коккинали,—старые комсомолцы.

Москвичи часто видят, как высоко в небо движется черная точка. За ней стремительно вырывается облачный хвост. Он ложится на рукава белого паруса. Но вот облачная полоса свивается в колесо. На небе возникает восхитительная картина, задрав голову, громко спрашивают: «Коккинали? Есеев? Шевченко?»

Вся пятимера—инструкторы полетов на больших высотах.

Владимир Коккинали, когда-то работавший грузчиком в Новороссийском порту, не так давно установил мировой рекорд высоты полета на одноместном самолете.

Виктор Есеев, работавший в Благоевщенском ломовом извозчиком, награжден орденом Ленина за выполнение ряда парашютных прыжков. Он установил мировой рекорд по затяжным прыжкам. Этой зимой Виктор Есеев показал себя и первым советским небесным «калентрафом». Вся Москва восхищалась его рисунками. Первое слово, которое наметала напиться Есеев в небе,—это «Сталин».

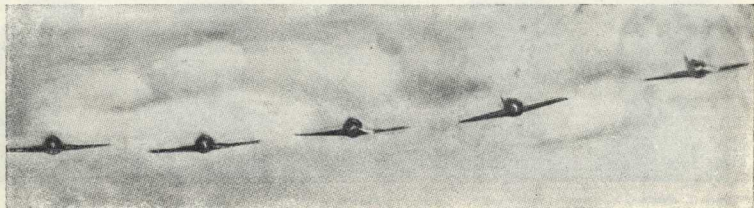
Владимир Шевченко в прошлом—московский шофер. Он часто ходит на большие высоты, водит стратопоезда, сам летает на планерах.

Супрун был товарищем машиностроительного завода в Сумех, на Украине. Преман, бывший беспризорник,—прекрасный летчик-испытатель.

Старшим из них, Коккинали и Есееву, по 30 лет, самому молодому, Преману,—25.

В середине отряда летает Владимир Коккинали—командир пятимеры. Слева первым от него—Виктор Есеев, вторым—Преман; справа первым от Коккинали—Владимир Шевченко, рядом с ним—Супрун.

На авиационных праздниках этого года «пятимера» покажет новые фигуры, новые свои достижения.

ЯПОНСКИЙ АЗБУКА

Статья Н. МОРОСКОГО

Изучение японского языка неразрывно связано с изучением иероглифического письма.

Японцы заимствовали иероглифы у Китая приблизительно в III веке. Культура Китая находилась тогда на очень высоком уровне.

Первоначально иероглифы представляли собой изображения конкретных предметов; так например иероглифы «луна» и «солнце» представляли собой рисунок луны, солнца и т. д.

Затем, по мере роста культуры, к этим иероглифам-рисункам прибавились иероглифы, которые условно изображали абстрактные понятия (добро, зло и т. д.).

Вследствие фонетической разницы между китайским и японским языками китайское звучание иероглифов изменилось. В результате получилось японизированное китайское чтение, называемое «он».

Перевод этого японизированного китайского звучания иероглифа делался собственно японским словом, которое и обозначало его смысл. Таким образом иероглифы получали еще смысловое чтение, которое называется «куни». Так, иероглиф «земля» по-китайски читается «до», а по-японски — «цунти». Иероглиф «большой», «великий» по-китайски читается «тай» или «дай», а по-японски — «оо-кин», и т. д.

Возьмем три иероглифа, выражающие на нашем родном языке «сам», «движение» и «соевзак». Иероглиф, означающий первое слово — «сам», произносится «дзи» и «мидзу-кара», второе слово — «движение» — произно-

これは、北國のあるさびれた港町に生つた出来事であり、
雪の多い、こゝらでは、もう毎日々灰色の雲が海の方から流れて来て、
朝から晩まで、防波堤の彼方で真白な波頭をあけて居ります。山の腹には
うた、坂の多い町は、今や迫つて来る長い冬に會えて、一日一日にさびれていくばかりであ
ります。沖の漁船も終つたので、港にいて、泊してゐる船の姿もほんの數へるほどしか見え

вая из них была изобретена в VII веке, а вторая — в VIII веке. Для той и другой азбуки употребляются 47 слогов, одинаковым в обеих азбуках по звучанию, но разными не начертанию. Кроме того из числа этих же 47 слогов могут быть образованы еще 25 дополнительных слогов.

«Хирагана» более распространена. Она удобна и для письма кистью. Она же употребляется в газетах, журналах и тому подобных текстах. Область применения «катакана» более ограничена. Ею пользуются для написания иностранных слов, для телеграмм и официальных документов. Но и та и другая азбуки употребляются в газете вместе с иероглифами. Таким образом, написанный по-японски текст представляет собой смесь из иероглифов и знаков слоговых азбук.

Китайский язык одностопный, и слова его не меняют своих окончаний.

В противоположность этому в японском языке могут меняться сами слова. В чем это выражается? Главным образом в изменении окончаний слов или присоединении суффиксов. Так вот, необходимо передать при письме изменения слов и породила необходимость приписки этих грамматических окончаний после иероглифов знаками азбуки.

Вначале японцами употреблялись только один иероглиф, и тексты, собственно говоря, писались по-китайски. Естественно, что понимание написанного было ограничено кругом лиц, владеющих китайским языком. После создания аз-

雨

Дождь.

田

Поле.

Образец японского текста — отрывок из сборника «Редно-драмы». Отрывок представляет собой описание места действия.

四

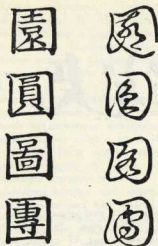
Четыре.

高

Высокий.

сится «до» и «цунки», и третье — «соевзак» — «ся» и «курума». В каждом из этих случаев первое слово представляет образец японизированного китайского чтения, а второе слово — японское. Когда все три иероглифа будут объединены, то каждую составную часть мы должны будем прочитать по-китайски, т. е. «дзи+до+ся», или слитно «дзидося», что значит «автомобиль». Мы видим на этом примере, как комбинация двух-трех иероглифов дает новые словообразования.

Помимо иероглифов в японском языке существует и слоговая азбука, называемая по-японски «кана». Слоговая азбука имеет две разновидности: «катакана» и «хирогана». Пер-

Печатные иероглифы и образцы скорописи. Сверху вниз: парк; сад; иена; карта; круглый.

бук и использования их для выражения особенностей японского языка (приписки окончаний, суффиксов и т. п.) письмом получило широкое распространение в Японии. А для тех, кто совершенно не знал иероглифов, создавалась возможность писать вообще без употребления иероглифов. Такой способ письма (без иероглифов) и в настоящее время широко распространяется в Японии.

Что касается способа письма одними иероглифами, то в настоящее время он неупотребителен, и знание его необходимо лишь при работе над старыми, «классическими» материалами.

Несмотря на сильное влияние китайского языка, которое японский язык испытал в

процессе своего развития, эти два языка, как было сказано ранее, совершенно различны. Китайский язык—трудно произносимый, односложный язык, японский язык—многосложный, легко произносимый: в нем отсутствуют ударения, все слоги произносятся плавно.

Для японской фразы характерна следующая конструкция: сначала ставится подлежащее, дополнение и затем—сказок. Определение всегда ставится впереди. Наша фраза «Я читаю книги» в японском построении примет вид: «Я книги читаю».

Разговорный японский язык прост, и изучение его не представляет трудностей.

Начинающих изучать японский язык смущает иногда обилие иероглифов, которое предстоит постигнуть в процессе учебы. Называют несколько десятков тысяч иероглифов. Это неверно. Среднеобразованному японцу нужно знать не больше 6000 иероглифов. В японской газете употребляется от 2500 до 4500 иероглифов. На японской пишущей машинке немест-ся не больше 3000 иероглифов. 1962 иероглифа—таков объем знаний языка, установленный японским министерством просвещения для начальной школы. Это своеобразный минимум, обеспечивающий грамотность.

Изучение языка обычно начинается со сложной азбуки—«канзи». Запоминание ее крайне просто и не требует много времени. Обычно через две—три недели учащийся основательно усваивает сложную азбуку. После этого приступают к изучению простейших текстов, содержащих самое незначительное количество иероглифов и притом наиболее простых и наиболее употребительных. Постепенно учащийся переходит ко все более сложным текстам, более насыщенным иероглифами.

Изучать иероглифы лучше всего путем чтения текстов и диктовок на прочитанные тексты.

Двух с половиной—трих лет учебы вполне достаточно для того, чтобы уметь хорошо разбираться в современных японских газетах и книгах.

Пособием к изучению языка может служить грамматика японского языка Гудзо и Горштейна, в которой удачно расположены необходимые для учебы тексты.

Несколько сложное обстоит дело с изучением японской скорописи. Дело в том, что японцы в своей личной переписке пользуются формой сокращенного письма. Как нам было бы странно видеть письмо, написанное печатными буквами, так и японцу является неслучайным в письмах от руки воспроизводить печатный стиль иероглифа.

Японский скорописный стиль характерен тем, что в нем приняты сокращенные формы иероглифов и в этих сокращенных формах много черт опускается. Здесь многое зависит от индивидуальности пишущего. Однако существуют пособия, по которым вполне возможно изучить законы и принципы сокращения иероглифов и их скорописного начертания.

Заканчивая на этом весьма безудачно характеристику японского языка, мы хотим отметить, что изучением его до недавнего времени занималось очень немного людей. Только советское японоведение быстрыми темпами двинуло вперед изучение японского языка и культуры. Число советских граждан, изучающих японский язык, увеличивается с каждым годом. Интерес, проявляемый трудящимися нашей страны к изучению языка Японии, находят свое выражение в том, что иероглифы и «канзи» изучают не только в наших высших учебных заведениях, но и в кружках японского языка, которые организованы на некоторых крупнейших предприятиях Москвы и других городов Союза.

НАК Я ИЗУЧАЮ ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

В ноябре прошлого года я впервые являла в руки учебник японского языка.

Меня он давно интересовал: это иероглифы всегда вызвали мое любопытство. События на Дальнем Востоке еще более усилили мой интерес к языку Японии.

Сейчас я уже неплохо усвоила катакану¹. Я знаю двести иероглифов и более четырехсот слов. Считаю до тысячи.

Помимо занятий с преподавателем, раз в шесть дней, я еще самостоятельно занимаюсь почти каждый день. Упражняюсь в письме иероглифов: каждый вечер, перед сном, я мысленно представляю себе их начертания, утром повторяю. Это очень развивает зрительную память, по-моему, совершенно необходимую при изучении такого специфического языка, как японский.

Вначале у меня было немало путаницы с частями и предложениями. Японская фраза строится своеобразно. Например по-русски

К. Федотова студентка—тащица японского языка на Института иностранных языков при заводе им. Сталина.

фраза выглядела так: «Для защиты Советского союза мы должны иметь мощную армию и флот, по-японски же фраза строится таким образом: «Советского союза защиты для...» и т. д.

Постому, разговаривая с кем-нибудь, я старалась представить себе, как бы звучало то или иное мое выражение по-японски.

Теперь я могу вполне свободно строить не только простые предложения, но и сложные. Наконец-то я сяду консомоло, на вечерние иностранные языков, организованном МК в Доме ученых, я уже сумела выступить с небольшой речью на японском языке.

Достигнутое меня не удовлетворяет: я хочу изучать язык в совершенстве. Мой мечта — поступить осенью на учебу в Институт восточных языков имени Нариманова.

КЛАВДИЯ ФЕДОТОВА,
комсомолка, чертежница ортобела
завода им. Сталина (Москва).

¹ Катаканга—алфавит японского алфавита.

СУХАРЬ

Фельетон В. КОЖЕВНИКОВА. Рисунки Д. КРАСИЛЬНИКОВА

— Но ведь очередь моя!

Алексеев — очень сдержанный человек. Смеется он редко. Если товарищи чопаются, он недовольно сдерживает: — Чо, сообрали что-нибудь? И, когда ему повторяют остроу, он солидно соглашается: — Да, действительно, немного смешно. Но лицо его остается сурово-сосредоточенным.

Он стеснен и рассудителен. Ему чужды неожиданные душевные порывы: радость, восторг, возмущение...

Знакомые обычно отзывались о нем: — Да так, ничего пареня.

Вот я вижу его прогуливающим по улице в аккуратно выглаженных брюках и начищенных ботинках. Он останавливается возле автобусной остановки и, вежливо освободившись, что последний ждет. Автобус дачный — ждать приходится долго. Сзади его становится извешенная покупателя женщина.

Жарко. От асфальта пахнет смолой. Женщина тоскливо выдыхает.

Первая машина проехала не останавливаясь. Вторая — тоже. Женщина села на чемодан и жалобно сказала:

— Дома-то бесуются: с утра уехала.

Показалась третья машина. Кондукторша крикнула:

— Одно место!

Алексеев встал на полноту. Сзади кричали:

— Товарищ, вы бы уступили место женщине. Поворачивались, он сказал удивленно:

— Но ведь очередь моя!

Машина проехала.

Оглянувшись к Алексею, голос позвонил из больницы. Взаимоувешенный дом уюла по-

просит к телефону соседа, жена которого находилась в больнице в тяжелом состоянии.

Алексеев, прижав к горящему уху телефонную трубку, воина:

— Кто вам дал номер моего телефона? Кто это сделал? Никакие поручения я не принимаю!

У меня не переговоров! Что? В тяжелом состоянии? Но при чем тут я? Знаете по телефону общего пользования.

— Но там никто не подолжит.

Ужасно, — сказала Алексеев — позвоните еще раз. Я подойду сам. Но по своему личному телефону я никого не связываю.

У Алексея над дверью прибыл почтовый ящик. Почталов, скакая и ища корреспонденцию и газеты, иногда отпускал письма, адресованные не Алексею, а соседям.

Утром, обнаруживая такие письма, Алексеев приходил в ярость.

Он бросал эти письма в коридоре под вешалкой и вошел на всю квартиру о «возмутительном нарушении правил внутреннего распорядка».

Однажды на концерте он сидел со мной рядом и держал в руках пакет с яблоками.

На ползасток поднялся дирижер во фраке, постучал палочкой.

Воздвиглась тишина. Концерт начался.

Но чудные мелодии плохо доходили до меня. Чужак моего соседа, усердно поворачивая яблоки, отравлял всю прелесть наслаждения музыкой.

Я попросил Алексея отложить яблоки до дирижера.

— Такое правило есть, чтобы запрещал в театр есть яблоки. Для этого их и продают в буфете.

Если бы я стучал ногтями, свистел, вы могли бы мне целить замечания.

Он отворнулся, торжество в своей правоте.

И вот еще одна встреча — в кино.

Он сидит, как всегда, самоуверенный и спокойный. Перед ним стоит девушка и юноша. Застенчиво улыбаясь, они просят оказать им любезность — перебраться на соседний стул. Его место находится между ними, а им хотелось бы сидеть рядом.

— Билет у меня правительственный, — утверждает Алексеев, — и со своего места я уходить не буду.

Он больше не желает разговаривать. Лежачим офинком сидит он весь сонес между модами людьми.

И вот постепенно, сквозь оболочку рассудительности, спокойствия и благополучия, стали мы

различать подманивую суть Алексея. Он не позволял бы себе ударить человека, оскорбить его браним словом, открыто прогнать его.

Он строго считался с правилами и придерживался общественного порядка. Но — и только. Больше ему недоступно.

Уступить женщине место? Позвольте, почему?

Без о чем стою в очереди. Значит, поведение его было правяльно.

Ах, женщина устала? Ну, знаете, он тоже может быть, устал.

Он заботится только о собственном благополучии и спокойствии.

Чувство деактивности, забота об окружающих — все это ему незнакомо. Государство мало прекрасные замки, звукопроницаемые портфери, бархатные дорожки на полу, но не запретило вылезать, сморкаться, врать ногами, врать яблоки во время концерта.

Так зачем вы к нему пристаете?

Под суд не отдают за равнодушие, за отрицательное себялюбие, за мелкий эгоизм.

Но к таким людям начинаешь испытывать презрение и неприязнь.

Вот он идет: спокойный, в выглаженных брюках, в начищенных ботинках, — гражданин Алексеев. Он влезает в трамвай. Переднее два места свободны. Они для детей и инвалидов.

Он не замечает их. Он считает с правилами. Но, заняв другое место, он ука его никому не уступит — все равно: будь это беременная женщина или дрожащий старик...

О, он очень обидится, если вы его назовете по имени — ханом!

Он жрал яблоки в продолжение всего концерта.

— Кто вам дал номер моего телефона?

Зная свое место, он уж его никому не уступит.

БОБРОВЫЙ ЗАПОВЕДНИК

Сцэрк и фото Н. КОЛЛИ

На реке Усманьке.

Лесная чаща бобрового заповедника. Густой лес, непролазные кустарники, поваленные бобрами деревья — все это создает впечатление джунглей. Не верится, что находишься в пяти километрах от железной дороги.

Лес пересекает спокойная река Усманька. Это имя река получила в отдаленные времена от татар-кочевников, оно означает «Красавица».

Затерянный, как оазис в степном пространстве, заповедник дает приют разнообразным представителям лесной фауны. Здесь обитают стада благородных оленей, зайцы, куницы, норки и лисы. Не преследуемые человеком, они чувствуют себя свободно, и с каждым годом их количество увеличивается.

На ветках деревьев и в чаще леса живут разнообразные, разноголосые птицы, напоминая воздух несомненным цинком: кричат вальдшнепы, заунывно перекиаются иволги, протяжно стоят кукушки, долбит деревья пестрые дятлы, завывают лесные жаворонки...

Но как только солнце скроется за горизонтом и свет зари растает в воде, затихают неутомимые звонкие голоса птиц. Слабый ветерок чуть-чуть колышет верхушки деревьев. Тихо...

Под покровом ночи начинают просыпаться ночные жители леса: блуждающим пятном порхают силуэты летучих мышей, перекиваются болотные совы, где-то далеко слышен крик сича и лай лисы; озираясь по сторонам, бобры направляются к растущим у реки деревьям...

Когда бобры обитали во многих местах. Характерно: в поле герба города Боброва был изображен бобр. Многие названия рек «бобр» — Бобровка, Бобрца.

Густой шелковистый мех бобра и в то время ценился очень высоко. Но хищническая охота старшину привела почти к полному исчезновению этих ценных зверей.

Несколько бобров, привезенных 50 лет назад в имение Рамонь, в половине ушламо оттуда

На фото справа — у бобровой норы.

и расселось по расположенным вблизи водным пространствам. Они и считаются родичами современных бобров, разнотипизируясь здесь.

На небольшой лодке-платоходке вместе с спутником—наблюдателем Крюковым—мы проедем по реке, пристально всматриваясь в темноту, чтобы увидеть бобра. Лодка бесшумно плывет. Прибрежные деревья поймают ассы: ольха, осина, береза—обрамляют с обеих сторон реку, образуя ворота. В лесу слышен странный звук: как будто скоблят дерево. Чуткий зверь, услышав наше приближение, приподняв лобовую к реке, грузно опускается в воду и оглушительно ударяя хвостом по поверхности, предупреждая об опасности. Вслед за этим последовали еще удары, и наступила тишина.

В хлопотливой работе проводят ночь бобры. Подгрызая конусообразно ствол дерева, иногда почти в метр толщиной, они валят его. Они сплавляют ветки, отрезанные от осин, березы и ялена, по специально вырытым каналам и швыряют их в дно реки, около своего жилища. Чтобы заградить воду и держать ее на определенном уровне, в узких местах реки бобры сооружают плотины. Самцы подтаскивают строительные материалы—ветки, сучья, щедро,—самки строят. Строительное искусство бобров вызывает удивление. Они так прочно укрепляют плотину, что по ней свободно может пройти человек.

Жизни бобра приспособлено к условиям, в которых он находится, и поражает своей чистотой и удобством.

В нем имеются «спальня», устланная мелким древесным материалом, и «столовая». На случай затопления или преследования проложено несколько запасных выходов в воду и лес.

Рано утром, как только зорька загорится розовым светом, бобры прячутся в свои подземные жилища, а наблюдатель ходит по лесу и с осторожностью следопыта ищет в следах, чуть вслушивается, прильнув к гнезду бобра, нет ли там маленьких бобрат. Жизнь и поведение бобров мало изучены. Чем они питаются, что делают ночью, как проводят время, где бьются,—все, до мелочей, записывает в дневник наблюдатель.

Государственный бобровый заповедник организован в 1923 году. Сейчас он занимает обширную территорию в 32 000 гектаров. В заповеднике живет на воле более 500 бобров; боб бобров, выделенных за два года для описания, содержится в неволе. Научные сотрудники ведут над ними тщательные наблюдения, изучают их привычки, вкусы, повадки. У бобров в неволе появились адаптационные особенности: зимой несколько бобров, содержащихся в помещении, давали мягкий корм—отруби и прочее. За короткое время у бобров так отослалось зуб, что они не могли закрывать рта. Оказалось, что зубы у бобров растут на протяжении всей жизни, но на воле они стачиваются. Научным работникам доставило много хлопот срезать бобрам разросшиеся зубы.

Воронежский заповедник является самым крупным обитающим бобров в Советском Союзе. Его экономическое значение очень велико.

Он является рассадником бобров для других заповедников Советского Союза. Так, семейства воронежских бобров, несколько лет назад вывезенные на волю в западно-европейском заповеднике, расселились там и быстро размножились.

Мех бобра имеет большую ценность. Разведение и охрана бобров являются поэтому одной из важных отраслей советского пушного хозяйства.

Воронеж

Бобры подгрызают ствол дерева и валят его.

Страница фотокожа

ПОЧЕМУ У МЕНЯ НЕ ВЫХОДЯТ СНИМКИ?

Два года, как я уже занимаюсь фотографией. Будучи туристом, я всегда беру с собой в путешествие фотоаппарат. Но в то время, как близ у меня получаются неплохие снимки, на своих туристских путешествиях я привожу один брак. Особенно не удаются мне снимки на альпийских. Независимо от серии, монотонные, почти всегда перевернутые. К тому же нет впечатления высоты. Снимая с высокой горы, а впечатление ровной местности. Делать снимки!

Читатель «Смены» П. СКОРЯКИНА

ОСОБЕННОСТИ ФОТОСЪЕМОК В ГОРАХ

Снимая в горах, в особенности на альпийских, представляю ряд трудностей.

Прежде всего необходимо проверить и хорошо укомплектовать фотоаппарат.

Пластины или пленки следует брать ортохроматические, сравнительно небольшой чувствительности (170—216 Х-Д).

Смена часто производится против солнца, а потому необходимо изготовить солнцезащитный — небольшой зонт, навешенный на объектив.

Обычное зло при съёмках на юг — это огромные перевертки, но очень часто любители пересматривают смену света южного солнца и делают недоделки.

Если недоделка произошла при съёмке объекта, освещенного рассеянным светом, то негатив будет ясным и монотонным. Здесь помогает усиление. Если объект контрастен, например фигурирует турист на альпийских, то при недоделке негатив будет очень контрастен, небо и снег очень плотными, а фигуры и лица не проработаются и будут выглядеть силуэтами. Здесь следует проявлять мелочным (лучше всего глицериновым или протектоновым) проявителем. Негатив будет менее плотным, но зато выработаются детали в тенях, которые можно будет усилить.

Необходимо иметь светофильтры. Главнейшие светофильтры — дополнять работу ортохроматических пластинок и totalmente правильно передать цвета предмета.

Высчитывая экспозицию, следует учесть все имеющиеся налицо данные: чувствительность фотоаппарата, время года, степень чистоты света (очень сильна бывает туман), кратность светофильтра — и сделать поправку на широту пояса. В среднем экспозицию против северных широт следует уменьшать в 3—4 раза.

Следует отыскать еще одну особенность съёмки в горах. При съёмке под углом и спуском не получается впечатления высоты. По фигурам видно, что люди берут полог, идут, спускаются, а на фото — совершенно ровное место.

Проникнув это от того, что оптическая ось объектива параллельна горизонту, а на фото — совершенно ровное место.

Проникнув это от того, что оптическая ось объектива параллельна горизонту, а на фото — совершенно ровное место.

Проникнув это от того, что оптическая ось объектива параллельна горизонту, а на фото — совершенно ровное место.

Фотоконсультант
И. РУДИН

Иллюстрация из книги Козерского «В плену у интервентов».

Автор этой книги был политработником на западном фронте в конце 1918—начале 1919 годов. В апреле 1919 года он попал в плен к белоказакам. Чтобы выжить на родине, он совершил необычайное путешествие по талым белым фронтам и границам буржуазных государств. Он побывал в Польше, Германии, Литве, Латвии, Эстонии, почти ежедневно менял в целях конспирации фамилию и подлинство, оказавшись то поляком, то немцем, то русским.

ПРАВО НА МЕЧТУ

Герой книги Паустовского «Романтизм» бродит по свету, воспеваю что-то иудит и добивается.

Местечковским ремесленником Исоев всю жизнь стремился стать южником. Он считался, голодал, потерял жену и дочь и в конце концов стал правым этником в приморском городе («Этники для колонизации товаров»).

Мечты русского интеллигента Максимов о необыкновенной любви распотылались в триа военных будней (повесть «Романтизм») — так издавался старый мир над стремлениями людей к личному счастью.

Старый мир являл и других мечтателей. Лейтенант Шиндиг мечтал с верой в победу революции. Офицер, расстрелявший его, уже при советской власти был разоблачен и приговорен к расстрелу («Три странички»). Капитан Слотт и его товарищи погибли героической смертью на Южном фронте. Намето о них не знает, но английское правительство не помогло семье Слотта. Его ребенок умер от голода («Соразмер»). Так гибель в старом мире люди, мечтавшие о человеческом счастье.

В советском мире мечта — не преступление и не бесполое чудачество. В советских условиях самые извращенные, несбыточные мечты сбываются, если они полезны коллективу.

Фельдшер Алтухов всю жизнь искал средства для борьбы с про-

то украинцем. Воспоминания Козерского дают яркую картину жизни пленных и беженцев на всевозможных концентрационных лагерях. Охрана и начальники лагерей говорили на разных языках и носили разные формы, но порядки были всею одинаковыми: голодный паек, издевательство, побои, невольная нечеловечность.

Один из замечательных эпизодов книги — история наступления Бермонта-Алазова на Ригу. Бермонт был русский офицер на немецкой службе, вербовавший в Прибалтике русских белоказаков и немецких демобилизованных солдат для борьбы с большевиками. Прежде чем начать войну с Советской Россией, Бермонт решил «покорить» Латвию, чтобы подорвать ее германское «отечество». Он пошел наступлением на Ригу, был разбит и бежал в Германию.

Книга Козерского наглядно показывает ту путаницу империалистических и местных национальных противоречий, которая раздирает антисоветский фронт.

Воспоминания Козерского (издание «Молодой гвардии» в 1935 году) написаны просто и занимательно. Они дают ценные сведения об одном из эпизодов борьбы Советской России с интервентами в начале 1919 года.

Какой. Он поставил перед собой цель тогда, когда узнал о новом способе лечения проказы, способе, еще более страшном чем сама болезнь: «живой нерв имплантируют из тела, намытого на проказу. И так вера за верой, пока человек не посядет от боли». Посланый в составе советской научной экспедиции в Индию, Алтухов нашел «туконкарпи» — растение, издающее проказу («Радкое дерево»).

Целый город пожирался в тишину, чтобы спасти жизнь ребенка. большого воспоминания мизма. И целая махина — не великого человека, не героя, а самого радостного советского мальчика — спасает («Доблесть»).

Этот рассказ — тоже мечта, но не о героях, а самого автора. Она изложена реально, потому что основа о каждом человеке — одна из незыблемых законов советской жизни.

Книга «Романтизм» (выпущена Госиздатом) состоит из не извещений, написанных в разное время, с 1920 по 1934 год. Тем не менее она представляет собой единое целое. Герои как и быта раздирали самые различные уголки земного шара. Это умная и занимательная книга.

Книга увлекает читателя замечательными эпизодами, красочными картинками природы и быта трудящихся самых различных уголков земного шара. Это умная и занимательная книга.

Вид на гору Дорно-Ори из Баскиского ущелья. Обложка хромолито. Сикмо.

Канондарт «СМЕНЫ»

ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ БЕТХОВЕНА

Огромный венский театр был переполнен, но императорская ложа была пуста.

Бетховен занял дирижерское место. Раздались первые волшебственные звуки 9-й симфонии.

«Никогда еще зал не слышал таких оваций. Когда взрыв аплодисментов раздался в пятый раз, публика попыталась возвестить о публике. Выдаю мне дело: двор приветствует всего три раза, а Бетховена — пять!»

Аплодисменты гремели. Бетховен невозмутимо продолжал дирижировать: великий мастер был уже совершенно слух. Наконец, напавший указал ему на волнение в театре. Бетховен посмотрел на зал и поклонился совершенно спокойно.

Материальные дела Бетховена в то время были очень плохи. Этот вечер, на который он возлагал большие надежды, для ему интриговала стиму: всякая зная не присутствовала на концерте.

Бетховен жаловался в письме к своему другу:

«Хорошее вытесняется. Аристократы больше всего мнит балет. О любви и искусству ничего и говорить».

Анатолий ван Бетховен.

Огромные афиши на улицах Вены сообщали:
«7 мая 1824 года состоится большой концерт г-на Людвига ван Бетховена».

Концерт будет состоять из большой увертюры (опус 124), трех гимнов и большой симфонии».

Это была последняя, 9-я симфония Бетховена и его последнее публичное выступление.

ОСНОВАНИЕ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

27 мая 1703 года на Исаи-Сварии («Зачинный отцов») взаим разрушений ивандской крепости Ни-сидиши, по приказанию Петра I, была заложена Петропавловская крепость.

Строительство Петербурга с самого начала было превращено в гигантскую «натуральную повинность» для русского крестьянства. Петр издал указ, чтобы с городов, с посадов, дворянских волостей, помещиков, купцов, с крестьянских и боярских дворов везть работным людей».

И ежегодно на петербургские работы высылалось до шестидесяти тысяч человек. На их костях был построен город. Иностранцам-современникам рассказывали, что «при тогдашней необыкновенной дороговизне припасов и недостатке в одежде люди как мушкетеры от холода и холода».

В двадцатых годах XVIII века Петербург, по приказанию одного члена польского посольства, был «расчищен на громадное пространство, где всякий сенатор, министр и боярин имел дворцы». Существовал бы тот, кому отведено худое место; но кому полагало болото или топь, тот порядком нагрел себе лопь, зная установил фундамент».

Постепенно рос и отстраивался Петербург, северный «паради» (град), как его называли. Промысловые сооружения лучших ита-

льских мастеров украшали его улицы. Роскошь и чистота жили бок о бок.

Проходили годы, десятилетия. И на улицах Петербурга разглагольствуют первые революционные события. Петербург превращается в колыбель русского революционного движения. «Расцвет революционной деятельности В. И. Ленина начался в Петрограде. В этом городе

4 мая 1886 года.

ЧИКАГСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Пятьдесят лет назад в Чикаго, крупнейшем промышленном центре Соединенных штатов Америки, разразилась кровавая события, в память о которых была установлена международная демонстрация всех трудящихся в день 1 Мая.

В майские дни 1886 года в различных городах США начались забастовки: рабочие требовали введения 8-часового рабочего дня. Вспыхнула стачка и на заводе Мак Кормика в Чикаго. 3 мая произошла стычка между рабочими и штурмовиками. В полдень на место столкновения полицейский отряд полетел лавина.

Тогда полисмен откормил огонь. Шесть рабочих было убито и много ранено.

На другой день на страницах одной рабочей газеты был напечатан бойкой призыв к рабочим, знаменитый «циркуляр мести».

«Мест! Мест! Рабочие, к оружию! — начинался призыв. — Трудящийся народ, за что выслушивались ты? За работу и голод нам за свободу и хлеб? Если ты выслушивался за последнее, тогда не медли ни минуты, тогда, народ, берись за оружие! Уничтожь всех зверей в обличье человека, беспощадно их уничтожь! — такой должен быть твой лозунг!»

Возбуждение было перенесено на антимоним и немецким языком и распространялось в рабочих кварталах.

4 мая около полутора тысячи рабочих собрались на Гаймаркет-свере. Надо было объявить, что же делать дальше. Речь на митинге носила мирный характер. Тем не менее собравшиеся окружили полицейский отряд. Оторва арестовали. Но в этот момент раздался оглушительный взрыв: среди полицейских разорвалась бомба. Полицейские откормили огнем, и площадь вскоре покрывалась телами убитых и тяжело раненых.

Бомба была брошена с пропалачной целью агентами буржуазии, но этот акт приписали рабочим.

И хотя в руках буржуазного суда не было никаких улик, подтверждающих, что бомбу бросали рабочие, четверо из них: Шпик, Нарков, Флишер и Энгель — были повешены.

Восходя на эшафрот, Шпик воскликнул: «Настает время, когда наше молчание в могиле будет слышимым внявшим голосом при жизни».

Международный социалистический конгресс, собравшийся в Париже (1889 г.), постановил устраивать ежегодно в один и тот же день — 1 Мая — большую международную манифестацию всех трудящихся.

С развитием революционного движения 1 Мая превратилось в день боевого смелого гласа рабочего класса во всем мире.

Невский проспект во второй половине XIX века. Вид от Пулковского моста в Адмиралтейство.

КУДА пойдут СТУДИСТЫ

Кассарское ущелье Военно-осетинской дороги.

Статья Л. СПИРИДОНОВА

Баксанское ущелье.

У нас горы — это прежде всего Кавказ. Не даром на значке «Альпинист СССР» белеет двуглавая вершина Эльбурса. Пути к Эльбурсу и другим вершинам центрального Кавказа разработаны бакаро-спанским туристским маршрутом. Этот маршрут будет обсуждаться в этом году 17-й баз, лагерей и приютов. Кроме того в горах будет разбито много бивуаков, чтобы облегчить туристам восхождение на вершины и переход через перевалы.

На базах туристы будут отдыхать в палатках с деревянными полами, спать на железных кроватях с сетками. База будет электрифицирована, при ней откроются сберегательные кассы, почтовые отделения, парикмахерские, прачечные, сапожные мастерские, будут оборудованы горячие и холодные души. Вокруг баз будут разбиты газоны, оборудованы спортивные площадки. В лагрях при базах туристы смогут купить концентрированные молочные продукты, предметы горного снаряжения: «кошки», очки, продуктовые мешки.

Чтобы предотвратить несчастные случаи, при крупных базах создаются спасательные отряды. Они будут пользоваться световой и звуковой сигнализацией, телеграфами и самолетами.

...На опушках сосновых лесов, на усыпанных цветами горных лугах, у подножия величественных гор здесь и там белеют палатки, взмыва-

ют плещутся красивые флажки лагерей.

Вы в одном из лагерей. Это лагерь в долине Адыла-су. Высота 2200 метров над уровнем моря. Здесь и там грозятся горы. Вот одна серая скала молотой грудою навалилась на другую, а та теснит третью. Постепенно скалы отодвигаются все дальше, змеясь в легкой дымке тумана. И совсем уже далеко, неслышно, упавшая в лазурь неба, серебрятся снежные вершины...

Утро. Вы выбегаете из палатки, умиравшей в студеном горном ялуне, делаете гимнастику и с навалившимся с самого свой завтра.

— Куда сегодня? — спрашивает инструктор, чувствуя необычайную бодрость во всем теле. Вылазка в горы для скальных туристов! Хорош! Вспра им с группой одолеть перевал, завтра сделают первое восхождение на одну из окружающих вершин.

День целиком заполнен напряженной работой. Но вы все время помрамы своего тела ощущаете, что это глубокий, оздоравливающий отдых.

Инструктор, шурша на солнце, предупреждает:

— Товарищи, не очень обаяжайтесь в горах: особенно солнце много ультрафиолетовых лучей, не замечаете, как сожжете кожу.

Вроде, связавшись веревкой, осторожно поднимаетесь, соблюдая нужную дистанцию и цепко хватаясь за каждый выступ.

— Не так... Вот это правильно! — говорит инструктор. И вы уверенно повторяете его движения.

Но вот стена. Нужно найти трещину, чтобы можно было вбить скальный крюк. Находите и опираетесь на него. Поднимаетесь все выше и выше, ощущая радость и гордость.

— Довольно! — слышится голос инструктора.

Устало и в вечеру возвращаетесь в лагерь. День угасает. Вот оранжированный луч задержался на самой верхушке спящей горы — и пропал. А потом крепкий сон в палатке на тюфяке, под теплым одеялом...

В прошлом году по бакаро-спанскому маршруту прошли 5 тысяч человек, а в нынешнем году пройдет около 15 тысяч.

Молодость изобретательна. Она упорно ищет новое. В марте девушки, совершившие зимне-летний переход с противоталка на г. Калинина в Москву, обратились через печать ко всем туристам Калининской области с таким предложением: летом организовать поход молодежи на озеро Селгер¹. Пешком, на велосипедах, верхом на лошади, в лодках, в поездах направятся туристы к озеру.

На карте озеро Селгер рисуются дробными фигурами китайской головоломки. На озере 160 островов.

Селгер — система озер. Вот озеро Мелочи, заросшее зелеными лианами; во время их цветения оно представляет собою сплошную белую гору. Вот озеро Черное; тонущую окраску его воде придают водоросли.

Селгер изобилует рыбой. Не даром на самом большом острове — Хачине — находятся 7 рыболовецких деревень.

На Западе издавна развит байдарочный туризм. Там сотни тысяч жестких и разбоярных байдарок плывут по рекам и озерам. У нас байдарки не так давно получила страна гражданства, но советские байдарочники успели уже многое сделать: они прошли по бурным рекам Кольского полу-

острова и Урала, по Днепру, по многим рекам центральной части СССР и даже по Черному морю.

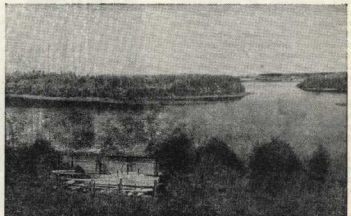
На Селгере имеются особенно большие возможности для развития байдарочного туризма. Там, в селении Неприе, уже несколько лет работает туристская база. Позвоните на Селгер. Специальные инструктора обучат вас гребле, управлению байдаркой, установке паруса на шей.

На байдарке можно совершить путешествие и по Волго-Свияжской «крутосетке». Волга от Свияжска течет на юг. Здесь в нее впадает река Свияга, текущая от Ульяновска на север. От Свияжска на байдарке турист может пройти по Волге до Ульяновска. Здесь полон на 4 километра, а затем по Свияге можно возвратиться к месту отправления.

Около Свияжска будет работать туристский лагерь на 100 человек. При лагере — 50 разбоярных байдарок, швертбот и австралийский «катамаран». Здесь же будет находиться прокатный пункт, снабжающий байдарочников и снаряжением всех желающих совершить путешествие по «крутосетке». От лагеря можно будет пройти на байдарке также на Суру, Кему и Чусовую.

² Длинная узкая ода с большим количеством островов; для устойчивости она снабжена воздушным поплавком.

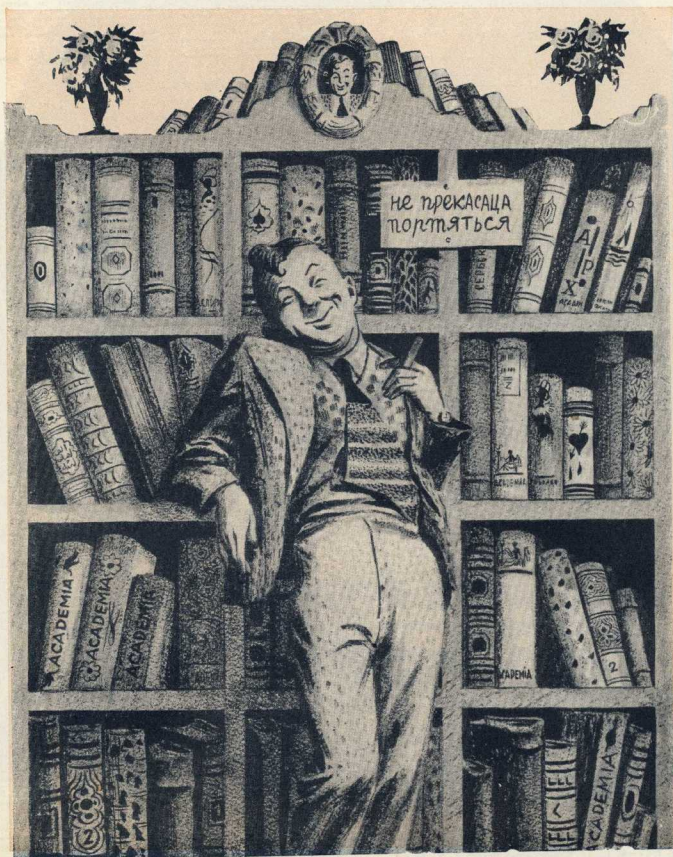
¹ Озеро Селгер находится в Осташковском районе, Калининской области.

Озеро Селгер.

„АКАДЕМИК“

Рисунок художника В. Врыскина

«У нас развелось люди, которые различные мешанские атрибуты выдают за важничую, культурную жизнь. Их помысли не идут дальше костюма иностранного покроя, патефона и книг издания «Академии». Подобно попугаям, они блистают своим пестрым оперением, под которым скрыто убогое существо невежд...» (из доклада А. В. Косарева на X съезде ВЛКСМ).

Постановка Г. В. АЛЕКСАНДРОВА. Директор производства — З. ДАРЕВСКИЙ, сорежиссер — И. СИМКОВ. Композитор — И. ДУНАЕВСКИЙ. Главный оператор — В. НИЛЬСЕН. Оператор — В. ПЕТРОВ. Ассистенты-режиссера — Н. ДОБРЫНСКАЯ, К. ЖУКОВСКИЙ. Звукооператор — Н. ТИМАРЦЕВ. Декорация — художник Г. ГРИВЦОВ. Графическая разработка сценария — художник С. ЛУЧИШКИН. Начальник съемочной группы — И. ЗАЙОНЦ.

В главных ролях: Марион Динсон — заслуженная артистка республики Л. П. ОРЛОВА. Директор цирка — В. С. ВОЛОДИН. Рачка, дочь директора, — Е. К. МЕЛЬНИКОВА. Клейщик, предприниматель, — П. В. МАССАЛЬСКИЙ. Сямейкин, конструктор-любитель, — А. М. КОМИССАРОВ. Мартынов — С. Д. СТОЛЯРОВ. Капитан Борнео, дрессировщик, — заслуженный артист республики Ф. И. КУРИХИН.

